

2018, №1(7)

Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс»

Научно-практический журнал
Гуманитарные аспекты
ОХОТЫ И
ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

2018 № 1 (7)
(1 февраля 2018)

Журнал о многоаспектном и междисциплинарном исследовании феномена охоты и охотничьего хозяйства.

Учредитель: Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Редакционная коллегия

Винобер А.В. – главный редактор, руководитель Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Вашукевич Ю.Е. – к.э.н., врио ректора Иркутского государственного аграрного университета им. А.А. Ежевского,

Гололобов Е.И. – д.и.н., проректор по научной работе Сургутского государственного педагогического университета

Еськов Е.К. – д.б.н., декан факультета охотоведения и биоэкологии Российского государственного аграрного заочного университета

Бочарников В.Н. – д.б.н., ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН

Сафонов В.Г. – д.б.н., чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М. Житкова РАН

Винобер Е.В. – технический редактор, координатор проекта «Просвещение, образование, издательская деятельность» Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи печатаются в авторской редакции. За достоверность информации ответственность несут авторы статей.

Адрес редакции: г. Иркутск, ул. Декабрьских Событий, 55

тел. 8914-912-47-11

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

www.biosphere-sib.ru

Периодичность выпуска журнала 3 раза в год

Запрос на присвоение ISSN: в ожидании

© Фонд поддержки развития биосферного
хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», 2018
© Художественное оформление А. Угренинова
© Авторы, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Философия и социология охоты и охотничьего хозяйства .....</i>	5
<i>В.Н. Бочарников, И.В. Ерофеева. Медийные смыслы и идеи концепта «охота» (по материалам интервью в журналах «Основной инстинкт») .....</i>	5
<i>Психология охоты и охотничьего хозяйства .....</i>	17
<i>Д. П. Байгозин, А. В. Пушкин. «Синдром выгорания» у охотников: обозначение проблемы .....</i>	17
<i>Футурология охоты и охотничьего хозяйства .....</i>	20
<i>А.В. Винобер. Охотничье хозяйство России: модель на XXI век .....</i>	20
<i>Экономические и правовые проблемы охоты и охотничьего хозяйства ..</i>	27
<i>М.Г. Окатьев, И.А. Гребнев. Лишение права охоты: некоторые вопросы теории и практики.....</i>	27
<i>М.Г. Окатьев, И.А. Гребнев. О некоторых проблемах, возникающих в процессе по делам об административных правонарушениях, совершенных в соучастии, в сфере охоты .....</i>	32
<i>А.А. Гартфельд. Обычно-правовые нормы об охране животного мира и борьбе с браконьерством на Европейском Севере и Сибири досоветской россии.....</i>	37
<i>Учет и мониторинг охотничьих животных.....</i>	48
<i>В.С. Камбалин, Г.В. Пономарев. Тенденции в оценке и использовании основных видов охотничьих зверей Сибири .....</i>	48
<i>Охота и антиохотничьи тенденции в современном обществе.....</i>	56
<i>А.В. Винобер. Охота, охотники и так называемые «зоозащитники».....</i>	56

CONTENTS

<i>Philosophy and sociology of hunting and hunting economy</i>	5
<i>V.N. Bocharnikov, I.V. Erofeeva. Media meanings and ideas of the concept of "hunting" (on materials of interview in magazines "Basic instinct")</i>	5
<i>Psychology of hunting and hunting economy</i>	17
<i>D. P. Baigozin, A. V. Pushkin. Hunters' burnout syndrome: problem statement</i>	17
<i>Futurology of hunting and hunting economy</i>	20
<i>A. V. Vinober. The hunting economy of Russia: model for the twenty-first century</i>	20
<i>Economic and legal problems of hunting and hunting economy</i>	27
<i>M.G. Okatev, I.A. Grebnev. Deprivation of the hunting rights: some questions of theory and practice</i>	27
<i>M.G. Okatev, I.A. Grebnev. About some problems arising in the process in cases of administrative offences committed in complicity, in the field of hunting</i>	32
<i>A. A. Hartfield. The usual legal rules on the protection of wildlife and combat poaching in the European North and Siberia pre-soviet Russia</i>	37
<i>Accounting and monitoring of game animals</i>	48
<i>V.S. Kambalin, G.V. Ponomarev. Dynamics of number of the main animals of Siberia</i>	48
<i>Hunting and anti-hunting trends in modern society</i>	56
<i>A.V. Vinober. Hunting, hunter and so-called «animal rights activists»</i>	56

Философия и социология охоты и охотничьего хозяйства

УДК 811 : 002. 703.0

*В.Н. Бочарников¹, И.В. Ерофеева²**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Тихоокеанский институт географии» Дальневосточного отделения РАН,
Владивосток, Россия
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия***МЕДИЙНЫЕ СМЫСЛЫ И ИДЕИ КОНЦЕПТА «ОХОТА»
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ
В ЖУРНАЛАХ «ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ»)**

В статье рассматривается когнитивное поле медиадискурса журнала «Основной инстинкт». На основе анализа более 30 текстов СМИ выделены основные социокоды концептуального поля «охоты»: как востребованного географического пространства, как социально-культурного конструкта, отражающего потребности охотника в прямом и косвенном контекстах. Представлена этимология концепта "охота". Дана характеристика выявленным фреймам концептуализированной схемы «охота», репрезентирующим национальную модель мира.

Ключевые слова: медиатекст, охота, концепт, фрейм, национальная модель мира, интервью.

Медиаторчество неразрывно связано с проблемой интерпретации действительности. В современной лингвистике наблюдается интерес к исследованию взаимодействия языкового потенциала, семантики текста с «фоновыми знаниями», формулируется глобальная проблема соотношения языка и сознания в процессах текстопостроения и текстовосприятия. Ученые выделяют особую роль языка в жизни человека и социальной общности, язык воспринимается как когнитивный инструмент осознания мира, хранения и репрезентации социального и культурного опыта, а также ценностей народа¹.

Сегодня очевидно, что и создание медиатекста и его интерпретация – результат когнитивной, а также социальной деятельности автора и читателя. В дискурсивные отношения вовлечена определённая языковая личность, ко-

---

¹См.: Welt in der Sprache / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – 540 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 11); Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, – 2007; Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 460 с.; Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб., «Петербургское Востоковедение», 2004. – 240 с.; Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – 228 с.; Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с. и др.

торуую представляют автор и адресант медиапроизведения, демонстрирующие свой социальный – ролевой статус. Язык в таком случае является осмысленным носителем мыслей, образов, информационных транзакций и культурных кодов, позволяющих воспринимать реальное или мнимое предназначение каких-либо вещей, слов, понятий или действий, транслируемых конкретной личностью или общностью [5-6].

Советские психологические школы основывались сугубо на положениях материалистической диалектики, марксистских взглядах, в которых речь (язык) был практической основой сознания человека, и следовательно, результатом его труда. Сопоставлялось и приравнивалось знак и вещь синонимичным в обращении и посредством использования категорий: личность, сознание, деятельность². Последнее рассматривалось как предметное преобразование по реализации специально построенного замысла.

А. Вежбицкая указывает на особую значимость ключевых слов для отдельно взятой культуры, и таковые «могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [1, С. 283–284]. Данные центральные точки представляют собой ни что иное, как языковые стереотипы, характерные для определенного этноса и культуры, при активизации которых в мозгу человека высвечивается вся когнитивная карта, семантическая сеть, позволяющая обозначить специфические черты того или иного понятия.

Интерес аудитории – главная целевая установка творцов медиатекстов, поскольку "текст не существует вне сознания: создающего и воспринимающего, он характеризуется двунаправленностью: на автора, и на читателя/слушателя /зрителя" [3, С. 15]. Коммуникация происходит в пределах логического треугольника "автор – медиатекст – аудитория". Особенностью медиа-коммуникации является ее виртуальный характер, при котором язык сообщения имитирует, замещает и трансформирует в идеальном формате реальность профессиональными действиями коммуникатора.

Основными единицами строительства картины мира, квантом переживаемого знания являются гипотетические сущности – концепты, позволяющие обрабатывать, хранить и передавать информацию³. Форматом кодирования и переработки информации становится ментальная репрезентации⁴. Воспринимая реальность, автор медиатекста делит её на условные части, вы-

---

² Давыдов В. В. Лекции по общей психологии: уч. пособие для студ. высш. уч. заведений. 3-е изд. – М.: Изд. центр "Академия", 2008. – С. 80.

³ Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. –Т. 17, вып. 2. Краснодар, 2003. - С. 268-276.

⁴ Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. –М.: Смысл, 1999. –287 с.

деляя наиболее актуальные для его картины мира смыслы. **Полученная в процессе концептуализации (и категоризации) модель мира – отчасти структура субъективного опыта, некая личная концепция жизни. Но личностные конструируемые обусловлены социальным контекстом, в результате модель мира, как неразрывное единство индивидуального и социального опыта, базируется на универсальных основаниях национальной культуры, в которой был рождён и воспитан человек.**

Культура необходимым образом связана с поведением, сознанием и деятельностью людей. Медиатекст может рассматриваться как многоуровневый конструкт сложной структуры, соответствующий пропорциям структурной и организационной сложности человека социального, выраженной в дифференциации восприятия текста как целого (дискурса), семантически-важных фрагментов текста, отдельных слов⁵. Конкретные формы поведения и деятельности, проявления сознания людей, начиная с архаичных в филогенезе и самых элементарных в раннем онтогенезе, могут быть акультурными (или, по-другому, – безкультурными с точки зрения современного человека, т.е. противоречащими требованиям и нормам официальной культуры), но только не внекультурными. В отношении последнего, следуя Г. Гачеву [2], можно отметить, что каждый народ (этнос) хранит и транслирует в своем бытии определенные идеи и смыслы, имеющие многие конкретные привязки к территории, культуре, эпохе и т.п.

Целью статьи является лингвокультурологический анализ концепта «охота» с точки зрения объективации доминирующих идей и смыслов данной концептуальной схемы. Отправной точкой анализа является интерпретация медиатекста как пространства репрезентации модели мира языковой личности журналиста и героя интервью, подразумевающую определённую систему ценностных смыслов, зафиксированную в языке и обусловленную ментальными представлениями конкретной национальной общности. Эмпирическую базу исследования составили более 30 текстов журнала "Основной инстинкт" за 2007 - 2012 гг. (общий объем выборки 18 номеров журнала).

В процессе выявления сем (смыслов) концептуализированной схемы «охота» определялись целостные образы (гештальты) текста, а также художественно-публицистические средства: метафоры, сравнения, гиперболы, ирония и другие тропы, акцентирующие вторичные смысловые оттенки концепта, расширяющие выделенные конструктивные рамки, демонстрируя многоаспектность и многозначность феномена охоты. В отношении самого понятия "смысл" выделено было три медийные характеристики: 1) предна-

---

⁵ Москальчук Г. Г., Манаков Н. А. Форма текста как многоуровневый конструкт // Знание. Понимание. Умение. –2014. – №4.– С. 291-302.

значение – мыслимое и реальное вещей, слов, понятий и действий, отраженных в интервью; 2) содержание – понимаемое как значение действий, их постижение и систематизация; 3) основания – расшифровка цели, сущности и идеи (прообраза) охоты и её составляющих. Несмотря на различие указанных оснований анализа, объединяющим фактором выступила нравственно-эстетическая составляющая, раскрывающая моральные и нормативные аспекты отношения к охоте.

В качестве объекта исследования выбран жанр интервью, позволяющий аккумулировать речевые конструкты мыслительной деятельности как героя материала – любителя-охотника или профессионала, так и журналиста – организующего процесс беседы и результирующего его возможные итоги. В жанре интервью журналист является посредником, а интервьюируемый предстает как "эксперт жизни". Е. Б. Сахнова замечает: "Герой интервью-портрета – человек, который известен широкой публике как выдающаяся личность, проявившая себя в какой-либо сфере общественной жизни"⁶. Специфика интервью заключена в его возможности воспроизводить точку зрения и ключевые смыслы разных картин мира охоты, что способствует не только отражению реального положения вещей, но и конструированию новой реальности.

Такой формат позволяет СМИ обращаться к массовой аудитории – носителю идентичного менталитета, и при этом оставаться в фокусе взыскательного внимания определенных групп читателей, заинтересованных в тематике охоты. Неслучайно в профессиональном сленге журналистов является расхожим выражение "делать новость", наглядно поясняющее процесс переказа, определенного спектра акцентуации смыслов, особого выражения мнения. Таким образом, текстовое пространство интервью содержит краткое и доходчивое изложение высказываний "героя", сохраняющего личностную специфику, отношение самого журналиста к обсуждаемому факту и ключевые символические составляющие концепта «охота», закрепленные в национальном менталитете участников диалога.

Этимология слова «охота» берет свое начало в восточно-славянской ветви, корневая система слова подчеркивает сему «хотеть», «хочу» (укр. «охОта», польск. «ochota» - охота, воля, веселое расположение духа). Слово образованно от утраченного «хота» - желание. В этимологических словарях высказывается предположение, что это слово – табу, отправляясь на промысел, наши предки-язычники считали опасным предупредить добычу, боя-

---

⁶Сахнова Е. Б. Жанр интервью и его модификации // Изв. Саратов. ун-та Нов.сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – № 4. – С.98-103.

лись спугнуть зверя и говорили, что уходят на охотное и желаемое дело. Данная идея определила вектор развития семантического поля слова «охота».

Человек, родившийся и развивающийся в человеческом обществе, т.е. по «логике» не животного, а человека, как бы авансирован быть культурным, следовательно, не приносящим вред⁷. В энциклопедическом значении под понятием "идея" подразумевается вид, форма, мысленный прообраз какого-либо действия, предмета, явления или принципа, в котором отражена главная мысль, основные и наиболее существенные черты данного феномена в реальности. Охота является тем аккумулирующим и символизирующим концептом, исходные смыслы которого в современности "потеряны" в далеком прошлом.

Она предстает уникальным феноменом современности, в своем "длениии" имеющая историю соизмеримую с существованием не только человека, но и всего живого. Тем не менее, охота продолжает существовать как глубокая идея, выражающая базовый биологический смысл жизни – необходимую агрессивность и адаптацию к окружающей среде, что не всегда осознается, но бессознательно репрезентируется в языке современного человека.

Охота пробуждает коллективистское сознание и возвращает к истокам бытия и ценностям семьи. Только в природе мы вновь возвращаемся к себе, к своему внутреннему Ребенку, к себе – часто очень страшному естественному, первобытному человеку, к себе, как-то вспомнившим прошлые жизни, родственные поколения, далекие эпохи. Интервьюированные часто рассказывают о семейных традициях и о своём детстве: "На Украине жил мой дед-охотник, он-то меня и приохотил"⁸. Или: "Мне тогда было 15 лет, и меня к этому занятию приобщили отец и дядя. У отца было ружье, а дядя был тогда одним из самых известных охотников Калининской (ныне Тверской) области"⁹.

Этнические корни и национальное самосознание также становится предметом рассмотрения: "Редко какой якут – не охотник и не рыбак, это у нас в крови, в генетике. Другой разговор, что исторически охота и рыбалка были в Якутии не отдыхом или развлечением, а способом добычи пищи. И отношение к процессу выработалось сугубо рациональное"¹⁰. Постигание

---

⁷Карнаухов В. А. «Культура» в психологии: от объяснительного понятия к предмету исследования // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №2. – С. 130-137.

⁸Владимир Рушайло: "Охотничий кодекс надо чтить" // Основной инстинкт. – 2012 – №. – С. 61.

⁹Юрий Лужков: о логике жизни и логике охоты // Основной инстинкт. – 2012 – №. 1-2. – С. 60.

¹⁰Герман Арбугаев: "Занимаюсь любимым делом" // Основной инстинкт. – 2012– №. 1-2. – С. 56.

разумом смысла или понимание происходящего и существующего обеспечивается посредством языка и зависит от наличествующих знаний.

Результаты проведенного исследования показали, что в информационном пространстве интервью делается акцент на географии видов и объектов охоты, представленных как карта важных охотничьих мест, значимых для интервьюированных. Присутствует исключительно обширная "география охоты": "Маршрутов много. Самые отработанные связаны с Булунским районом, где протекает река Оленек, я проехал эти места вдоль и поперек. Интересны они тем, что по-прежнему остаются абсолютно "дикими", труднодоступными. Ну и рыбалка, соответственно, сказочная"¹¹.

Также концепт "охота" в медиатексте предстает как определенный социально-культурный конструкт, отражающий насущные потребности охотника, как в их осознанном прямом выражении, так и косвенным образом – в контексте некоего высказывания, мнения, осмысления опыта. Еще более важным является соотношение мотивации, человеческих потребностей и ценностей, и одним из первых и наиболее глубоких исследований в этой области являются работы одного из основателей гуманистической психологии и психотерапии – Абрахама Маслоу. Духовным инвентарем исконной этимологии охоты остается сема «желания».

Один из ключевых фреймов концепта *«Охота – это вид досуга, разновидность отдыха»*. В данном смысловом поле активно репрезентируются и ценности – потребности в любви и уважении, соборный дух охотника: «На загонные охоты ездите в определенной компании? – Да, конечно. Охота – это отдых, возможность сбросить все ненужное и зарядиться положительными эмоциями. Когда приезжаешь на охоту, думаешь только о ней и о результате, а вся отягощающая голову информация при этом уходит"¹².

Действительно, исконный фрейм «охоты» доминированно артикулируется в дискурсе интервью – *«охота – это выслеживание и преследование дичи»*: "Отец мой был (и остался несмотря на возраст и болячки) заядлым охотником, так что приобщали меня с детства. Но, буду честен, тогда охота никакого энтузиазма не вызывала. Жизнь была если не голодная, то уж, во всяком случае, небогатая, и охота носила абсолютно утилитарный характер, т.е. рассматривалась исключительно как способ добычи мяса к столу"¹³. Знаменательно, но контекста подобного фрейма вербализируется через положительные коннотации семьи или, например, через характеристику "друга"

¹¹ Герман Арбугаев: "Занимаюсь любимым делом" // Основной инстинкт. – 2012– №. 1-2. – С. 56.

¹² Владимир Рушайло: "Охотничий кодекс надо чтить" // Основной инстинкт. – 2012 – №.3. — С. 64.

¹³ Там же

охотника – собаку: "Ягд очень прилично работает по кабану, на испытаниях проявил исключительную злобность к зверю"¹⁴.

Проведенный анализ позволил обратить внимание на еще один фрейм *«охота как социальная занятость, как профессия, приносящая доход»*. Данный конструкт успешно раскрывается при точных вопросах журналиста: "Мясо домой привозите? – Да, конечно. Кормлю семью, кормлю друзей, а знакомые в очередь стоят за котлетами и пельменями. Все по правилам, как положено: то, что добыто из съедобного, должно быть съедено. Стреляем ведь не ради баловства: везем домой самое вкусное и чистое дикое мясо"¹⁵; "А охота, как вы справедливо заметили, доставляет нам огромное удовольствие. Но при этом она сегодня, как и много лет назад, позволяет обеспечить качественное питание себе и своим близким"¹⁶.

В ходе анализа дискурса интервью была выявлена "практическая семантика" связей концепта "охота" с конкретными видами и брендами техники, снаряжения, оружия и боеприпасов. Отчасти данная тематика связана и с потребностью в самоактуализации человека. В общем медиатексте частотным является фрейм *«охота – это пробуждение личностного потенциала, узнавание себя в общении с природой»*. Герои интервью посредством охоты раскрывали отношение к себе и другим: "Понимаю, что хозяева старались выставить зверя на гостя, то бишь на меня. Спасибо им за почет и уважение, но, если честно, я даже рад, что не получилось ... Я не большой поклонник "генеральских" загонов. Недаром говорят, что на охоте и в бане все равны"¹⁷.

Культурно-эстетическая составляющая чаще всего выражается в высказываниях неких нормативов и уложений, которые необходимо соблюдать в охоте, или по отношению к отдельным видам охоты, и может быть примером реализации стремления к самоактуализации, например, в условиях соперничества на равных: "Хотя я немало охотился и охочусь на кабанов, оленей и других представителей крупной российской фауны, главным охотничьим зверем для меня всегда был медведь. Это достойный соперник, как ни посмотри, – умный, сильный, осторожный, опасный! Охочусь на него "на овсах". К охоте на берлоге всегда относился отрицательно"¹⁸.

---

¹⁴ Михаил Пореченков: Мужик должен быть мужиком! // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 44.

¹⁵ Владимир Рушайло : "Охотничий кодекс надо чтить" // Основной инстинкт. – 2012 – № 3. – С.62.

¹⁶Саулос Филиппавичус: "Охота для меня - это просто способ жизни" // Основной инстинкт. – 2011– №. 1-2.– С. 63.

¹⁷Там же.

¹⁸ Юрий Лужков: о логике жизни и логике охоты // Основной инстинкт. – 2012 – №. 1-2. – С. 61.

Ценность собственной личности традиционно измеряется результатами охоты: "Я не могу причислить себя к настоящим "трофейщикам". И далее следует переход к "меткой" предметной характеристике ценностной сути этого типа охоты: "Понимаю, что у секача главный показатель – зубы, но сам по старинке оцениваю по весу. Самый большой "потянул" далеко за двести. Серьезный был зверь"¹⁹. Интервьюированные рассказывают об уникальной роли охоты, значительно обогащающей их жизнь: "Охота в моей жизни потянула за собой целую цепочку вещей. Не могу сказать, что в обычной жизни увлекаюсь фото- и видеосъемкой. А на охоте у меня всегда и видеокамера, и фотоаппарат ... Фото и видео в свою очередь вызвали желание овладеть компьютером, а это соответственно, повлекло за собой фотоальбомы и короткометражные фильмы, которые мы сами делаем"²⁰.

Подобные сюжеты маркируют принадлежность человека к живому миру природы, который делает его лучше и совершеннее: "Мы с супругой после учебы получили распределение в Тикси – морские ворота Якутии, прожили там 10 лет. Работали учителями. Как вы догадываетесь, развлечений там и сейчас не очень много. И интерес к путешествиям, открытиям, охоте, рыбалке не просто скрасил нашу жизнь, а наполнил ее смыслом"²¹. Вступая в контакт с природой, мы окунаемся во что-то знакомое, по крайней мере, таковым является в наших представлениях, ожиданиях, воображениях. Это знание идет из собственного опыта, из того, что было когда-то изучено, стало известно из книг, обучения, социального внедрения.

Мир дикой природы равен коллизиям социума, общение с ним олицетворено и наглядно: "К волку как таковому я отношусь довольно сложно. То, что известно о кодексе поведения волчьей стаи, считаю очень интересным. С одной стороны, волк – это зверь, который вызывает уважение, поскольку умен, расчетлив, умеет работать в команде, а с другой стороны, ему присуща в буквальном смысле звериная жестокость: если попадет в стадо, вырежет всех"²².

Охота как увлекательная деятельность регламентирует нравственные нормы и предоставляет человеку возможную свободу выбора: "Медведь с подхода – это серьезная охота. Очень интересная, увлекательная, с элемента-

---

¹⁹ Михаил Пореченков: Мужик должен быть мужиком! // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 45.

²⁰ Владимир Рушайло: "Охотничий кодекс надо чтить" // Основной инстинкт. – 2012 – № 3. — С. 63.

²¹ Герман Арбугаев: Занимаюсь любимым делом" // Основной инстинкт. – 2012– №. 1-2. – С. 54.

²² Владимир Рушайло: "Охотничий кодекс надо чтить" // Основной инстинкт. – 2012 – № 3. — С. 64.

ми риска. И в ней тоже нужна определенная избирательность... Во-первых, желателен мелкого зверя не стрелять. Во-вторых, естественно, медведица с медвежатами как трофей тоже не рассматривается. Ну и, наконец, на берлогу я в принципе не хожу. Я считаю, что охота на берлоге – чистое убийство: шансов у зверя нет никаких"²³.

Чужая территория дикого мира предъявляет свои требования и порождает ценностную рефлексию, расширяя «внутреннее Я» человека: "Я, например, очень люблю охоту на снежного барана. Правда, эта охота – горная, там нужно много ходить, порой по очень непростым склонам, пока не найдешь искомый трофей. А всего-то два десятка лет назад мы и слова такого "трофей" не знали. И баранов, если и стреляли, то исключительно на мясо, и чем ближе и проще, тем лучше"²⁴.

Пространственно-временной континуум природы пребывает по законам вечности, по неизменным табу гармоничного существования, что активно переживается в дискурсе интервью. Например, потребность в уважении реализуется и по отношению к охотничьим животным в нередко богато окрашиваемых рассказах, изобилующих художественно-публицистическими средствами изложения: «В кустах стоял большой олень, который на открытом месте так и не появился. Полтора часа все это действие длилось. И хотя по охотничьим законам надо было, наверное, хотя бы олененка взять, я стрелять не стал, а все это время с большим удовольствием наблюдал за животными. Получил огромный позитивный импульс от то, что не стрелял»²⁵.

Классическая для русской литературы тема «душевного человека» выстраивает медиаповествование об охоте. В Литве, было взято интервью у охотника-священника, который поделился: "Охота меня научила уважать зверя, уважать природу, уважать все то, что Господь нам подарил, то, что для нас создал. Ведь это такое чудо, которое, к сожалению, большинство людей просто не замечают"²⁶. Результирующие утверждения морального толка выстраиваются за счет категорических суждений и рекомендаций: «отрицательные эмоции, нажимая на курок, ты обязательно испытываешь», «живое – есть живое», «лучше не взять никакой трофей, чем пусть даже случайно попасть в самку», «у каждого охотника должно быть свое отношение к делу», «главное не на-

---

²³ там же

²⁴ Герман Арбугаев: "Занимаюсь любимым делом" // Основной инстинкт. – 2012– №. 1-2. – С. 56.

²⁵ Владимир Рушайло: "Охотничий кодекс надо чтить" // Основной инстинкт. – 2012 – №. 3. — С. 64.

²⁶Саулюс Филиповичус: "Охота для меня - это просто способ жизни" // Основной инстинкт. – 2011– №. 1-2.— С. 64.

рушать правила»²⁷, «если убивать на охоте, то только лишнее, что мешает природе»²⁸.

Конструкт законного обоснования охоты также встроен в смысловую концептуализированную схему: "Если вы про написанные на бумаге (вопрос-замечание интервьюера был о нормативах охоты), то скорее, никаких ... Не думаю, что кто-то в тундре задумывается о дневной норме добычи. А вот нравственные нормативы были у нашего народа всегда. Ни дичи, ни рыбы якуты никогда не добывали больше, чем могли заготовить или съесть. А вот гостям нашим (правда, все реже – уровень рыболовной культуры растет на глазах) иногда приходится на сплавах объяснять, что не следует после себя оставлять горы гниющей рыбы. Возьми, сколько нужно на уху, а остальных отпусти"²⁹. Итак, преобладающий медиатекст интервью журнала «Основной инстинкт» репрезентирует традиционные смыслы концепта «охота», обнажая смысловые нюансы данного феномена.

По меткому замечанию одного из интервьюируемых, – "Охота укрепила мое понимание того, что мир не делится на черный и белый"³⁰. Осуществлённый лингвокультурологический анализ медиатекста, постулирующий неразрывное единство языка медиапроизведения и национальной картины мира, подчёркивает ментальную востребованность и актуальность репрезентированных смыслов концепта «охота» для языковой личности автора медиатекста, героя интервью и потребителя.

Выбор жанра интервью не случаен. Жизнь современного человека – это история повседневности, и выделение из обыденности осуществляется путем обращения к биографии известного человека, обращение к его жизненному опыту, к пониманию и интерпретации личностных смыслов, что имеет огромное социальное значение³¹. В психологическом отношении, является очень значимым вопрос выявления персонального (социального) отношения значимого человека, как некой системы регулирования своего поведения на основании его ценностей³².

---

²⁷ Владимир Рушайло: "Охотничий кодекс надо чтить" // Основной инстинкт. – 2012 – №. 3. — С. 64.

²⁸ Юрий Лужков: о логике жизни и логике охоты // Основной инстинкт. – 2012 – №. 1-2. – С. 61.

²⁹ Герман Арбугаев: Занимаюсь любимым делом" // Основной инстинкт. – 2012– №. 1-2. – С. 56.

³⁰ Саулюс Филипавичус: "Охота для меня - это просто способ жизни" // Основной инстинкт. – 2011– №. 1-2.— С. 62.

³¹ Нечаева Е. С. Биографический метод как способ изучения повседневности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2012. – № 2. – С.71-78.

³² Желтов М. П. Человек в системе социальных отношений // Вестник ЧГУ. –2013. –№1. – С.39-45

Следует подчеркнуть, что спектр представленных в статье фреймов, актуализирующих концептуальную схему «охота», далеко не полный. Требуется более адресное обращение к положениям психологической теории, которая в нашем случае в концептуальном анализе идей и смыслов охоты была взята у выдающегося российского психолога В.В. Давыдова³³. Поскольку только "...личность способна действовать по собственному убеждению в сложных ситуациях, противостоять неблагоприятным обстоятельствам, не боясь вмешиваться в течение событий, проявляя твердую волю и характер и принимая на себя всю социальную ответственность за возможные последствия"³⁴.

Наглядно это иллюстрируется органическими (по мнению В.В. Давыдова) или более распространенными понятиями, – биологическими или физиологическими потребностями. И в сравнении потребностей млекопитающих как высшей формы животных и человека общим является то, что живое может и достаточно часто оказывается в условиях существования, которые требуют поиска, ориентации на будущее и решения проблем. Проблема личности – одна из фундаментальных во всех гуманитарных науках, но применительно к предмету нашего анализа важнейшим предстает смысл особой человеческой деятельности – охоты, интерпретация которой в канве данного исследования даётся через когнитивный инструментарий медиатекста.

Человек – общественное существо, и поскольку мы используем обществом выработанные способы, средства и нормы употребления искусственного и природного, то здесь оказывается задействованным человеческое сознание. Личность и охота непременно связаны через категории творчества и свободы, а также – непреодолимой дихотомией жизни и смерти. И если свободу можно транслировать "как развитую способность человека преодолевать препятствия, действовать не только согласно известным стереотипам, но и применительно к неповторимым ситуациям..."³⁵, то охоту возможно репрезентировать как когнитивное пространство смыслопорождающих вопросов бытия человека, как ситуацию его выбора на "перекрестке духа и плоти".

Известные исторические и философские основания легко утверждают в мысли, что человек творческий – это одно из основных наших отличий от животных. В вопросах же самоактуализации человека, отечественный крупный психолог А.Г. Асмолов, полемизируя с А. Маслоу, писал: "Изучая личность как субъект деятельности, исследуют то, как личность преобразует, творит предметную действительность, в том числе и самое себя..."³⁶. Возникает и влияет мораль и культура, при том, что человек такое живое существо, которое имеет

³³ Давыдов В.В. Лекции по общей психологии: уч. пособие для студ. высш. уч. заведений. 3-е изд. – М.: Изд. центр "Академия", 2008. –176 с.

³⁴ Там же. – С. 149.

³⁵ Там же.–С. 144.

³⁶ Асмолов А.Г. Психология личности. – М., 1990.–С. 309.

врожденные биологические потребности при ограничениях и недостатках слабого по меркам природы тела. И охота - один из убедительных примеров и ярких форм преодоления и усиления способностей человека, выраженных в особом культе "технэ", в его многочисленных обращениях к использованию оружия, снаряжения, техники, особой одежды и технологий, о чем буквально на каждой странице в постоянной канве «подводного смыслового течения» рассказывает современный медиатекст охотничьих журналов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 408 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира / Курс лекций. – М.: АCADEMIA, 1998. – 430 с.
3. Ерофеева И.В. Психология медиатекста. – Чита: ЗабГУ, 2016. 297 с.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. –406 с.
5. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб., «Петербургское Востоковедение», 2004. –240 с.
6. Петров М. К. Язык, знак, культура. Изд-е 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. –328 с.

V.N. Bocharnikov¹, I.V. Erofeeva²
Pacific Institute of Geography Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia¹
Transbaikal State University, Chita, Russia²

MEDIA MEANINGS AND IDEAS OF THE CONCEPT OF "HUNTING" (ON MATERIALS OF INTERVIEW IN MAGAZINES "BASIC INSTINCT")

The article examines the cognitive field of the media discourse of the journal "Basic instinct". Based on the analysis of more than 30 mass media texts the basic sociology conceptual fields of " hunting": as a sought-after geographical space as a socio-cultural construct that reflects the needs of the hunter in direct and indirect contexts. Presents the etymology of the concept of "hunting". The characteristic of the identified frames conceptualized scheme "hunt" representing the national model of the world.

Key words: media text, hunt, concept, frame, national model of the world, interviews.

Поступила в редакцию 15 января 2018 года

Психология охоты и охотничьего хозяйства

УДК: 639.1.05:316.62

Д. П. Байгозин¹, А. В. Пушкин^{1, 2}*АНО «Институт природоресурсного и экологического права», Россия¹
Вятская Государственная Сельскохозяйственная Академия, Киров, Россия²***«СИНДРОМ ВЫГОРАНИЯ» У ОХОТНИКОВ:
ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ**

В данной заметке ставится вопрос о «синдроме выгорания» у охотников и о его причинах. Отмечается, что, несмотря на фиксируемые случаи отказа охотников от охоты, сопровождаемой умерщвлением животного, причины этого явления не изучены, а методика изучения этого явления не разработана.

Ключевые слова: профессиональная деформация, синдром профессионального выгорания, жалость к животным, отказ от охоты, побудительный мотив, нравственный императив, антиохотники, психический инфантилизм, животное, охота, охотник, охотовед.

Сколько–нибудь серьёзное психологическое исследование того, что становится причиной отказа охотника от акта умерщвления животных в процессе охоты, не как разового события, а как сформировавшегося нравственного императива, провести затруднительно по причинам недостаточности выборки и отсутствия методики, позволяющей классифицировать определённые личностные сведения, полученные от охотников.

По имеющимся наблюдениям в результате бесед не только с охотниками, но и с охотниками охотоведами, изложенными в этом сообщении, предварительно можно судить об одной из побудительных причин.

Следует отметить, что рассмотрение синдрома (феномена) профессионального выгорания в отношении именно охотоведов, представляется нам задачей, решение которой осложняется рядом специфических особенностей профессиональной деятельности охотоведа. Так, например, считается, что представители профессий типа «человек-человек» больше подвержены профессиональным деформациям, нежели представители профессий «человек-природа» и «человек-техника» [1, 2]. При этом известно, что охотоведение как наука имеет центральным объектом своего изучения именно охоту, феномен охоты. И, соответственно, для изучения и понимания процессов взаимодействия людей и животных в процессе охоты необходимо уделять внимание, как работе с животными (включая их изучение), так и работе с людьми (охотниками, неохотниками и антиохотниками), а также изучению и пониманию общества в целом. Охотовед в процессе своей трудовой деятельности взаимодействует и с обществом и с природой, то есть одновременно является

представителем двух типов профессий: «человек-человек» и «человек-природа». Также нельзя уверенно заявить, что охотовед не имеет никакого отношения к профессиональному типу «человек-техника».

Итак, ниже приведём некоторые примеры из собранного нами материала.

Охотовед П. сообщил, что по достижению 40 лет достиг «предела крови». К отказу от выстрела по живой цели подтолкнули слёзы раненной лосихи. При этом, выезжая в лес, берёт с собой ружьё и собаку: «Собака рада, а я получаю исключительно эстетическое удовольствие, люблю природу, наблюдаю за встреченной живностью». Возможным мотивом, сопутствующим принятому решению, П. назвал старение и развитие в этой связи такой черты характера как жалостливость.

Охотовед С. дал подобное же интервью, указав, что потрясением для него стало ранение зайца, «кричащего и плачущего как ребёнок».

Охотовед М. сообщил, что спусковым крючком для резкого отторжения выстрела по живой цели стала его ошибка восприятия [3]; вместо лисицы был подстрелен крупный рыжий домашний кот, который получив паралич задних конечностей, «пытался ползти, цепляясь передними лапами», при этом «душераздирающе жалобно мяукая» (пришлось добить).

Отметим и такую информацию. Охотник К.А.М. в начале 2000-х гг. сообщил, что практически потерял способность стрелять по дичи. При этом указал, что произошло это по причине обострившегося чувства жалостливости. При опросе он добавил примерно следующее: «я не хожу на охоту уже несколько лет после того самого случая, но не уверен, что не смогу сейчас выстрелить по зверю или птице, но совершенно точно ощущаю, что не смогу выстрелить по тянущему вальдшнепу, хотя всегда любил и продолжаю любить эту замечательную охоту». Тем самым случаем оказалось то, что в конце 90-х гг. этот охотник получил несколько пулевых попаданий в бронежилет; во всяком случае, охотник отметил, что сам считает, что, скорее всего, именно это событие явилось причиной того, что он стал не способен стрелять по вальдшнепу, что по этой причине в нём появилась «какая-то непонятная жалость». Но, в то самое же время, К.А.М. отметил, что надеется на то, что рано или поздно вернётся в охоту и не советует кому-либо бросать это «всемерно полезное» занятие.

При этом все указанные выше опрошенные охотоведы продолжают считать себя охотниками, вполне трезво оценивают деятельность антиохотников и считают, что охота необходима как часть общественно полезной деятельности.

Из описания мотивов, повлиявших на табуирование выстрела по живой цели, явствует, что, не страдая какой-либо антропоморфизацией животных, охотники, тем не менее, в описаниях страданий животных соотнесли таковое с человеческими, испытывая сочувствие к животному как к человеку.

При этом мы полагаем, что описанная выше «жалостливость» охотников коренится совсем не на той основе, на которой основана так называемая «жалостливость» антиохотников. У последних, судя по имеющимся работам [4], она проистекает из-за нарушения процесса видовой самоидентификации личности в ходе онтогенеза и, как следствие, определённого рода психического инфантилизма.

По всей видимости, описанные случаи – не единственные, побуждающие охотника прекратить охоту, связанную с лишением жизни животного, или охоту вообще.

Насколько полно и как точно может быть описан «синдром выгорания» у охотников, пока не ясно. Но имеется явно многоплановое явление, которое, на наш взгляд, должно быть изучено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильченко Э. А. Профессиональные риски в социальной работе: синдром выгорания // Власть и управление на востоке России. 2010. № 1. С. 131–135.
2. Орёл В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования / В. Е. Орёл // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 90 – 101.
3. Пушкин А. В. Об ошибке восприятия объекта охоты и институте приравнивания к охоте [Электронный ресурс] / А. В. Пушкин, Ф. А. Филиппов, А. С. Федотов / 27.06. 2017. Режим доступа: <http://ihunter.pro/posts/ohotniche-zakonodatelstvo/293>
4. Тетера В. А. Возвращение природы: иллюзия прав животных. – Киров: ВНИИОЗ, 2002. – 92 с.

D. P. Baigozin¹, A. V. Pushkin^{1,2}
ANO «The Institute of ecological and natural resources law», Russia¹
State Agricultural Academy of Vyatka, Kirov, Russia²

HUNTERS' BURNOUT SYNDROME: PROBLEM STATEMENT

The article considers the problem of hunters' burnout syndrome and its reasons. It has been noted that in spite of recorded cases of hunters' rejection of hunting accompanied by killing of animals, the reasons of this phenomenon have not been studied and research methods have not been developed.

Key words: professional deformation, professional burnout syndrome, mercy for animals, rejection of hunting, operant motive, moral imperative, anti-hunters, psychic infantilism, animal, hunting, hunter, wildlife manager.

Поступила в редакцию 20 января 2018

Футурология охоты и охотничьего хозяйства

УДК 639.1 + 349.6

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия***ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ: МОДЕЛЬ НА XXI ВЕК**

Автор конспективно излагает собственную альтернативную концепцию развития охотничьего хозяйства России на ближайшие десятилетия XXI века. Отмечено, что охотничье хозяйство имеет в нашей стране в настоящее время весьма зыбкий юридический фундамент и деформированные экономико-управленческие механизмы осуществления своей деятельности по использованию, охране и воспроизводству природных ресурсов (в первую очередь охотничьих животных).

Ключевые слова: охотничье хозяйство, стратегия, модель, природные ресурсы, охотничьи животные.

Из серии – если бы я был президентом России – как бы я устроил охотничье хозяйство России? (наказ избирателей). Чтобы отмести всякие домыслы: никогда не собирался быть не только президентом, но даже и депутатом поссовета ни в какие времена: ни в советские, ни в постсоветские. Это просто несовместимо с моей философией, с моим мировоззрением... Но... Президент – он главный. Особенно в нашей стране и в наше время. И он действительно может фантастически много – если увидит в этом смысл и выгоду большого масштаба.

В предложенном нашим редким читателям очерке мы попытаемся обрисовать контуры идеального охотничьего хозяйства России на ближайшие десятилетия XXI века. Нам не избежать субъективизма в процессе идеального конструирования одной из вероятностных моделей такого малопонимаемого (для массового читателя) объекта-феномена как охотничье хозяйство России. Но греет мысль, что контуры нашей образной словесной модели более адекватно будут отражать действительно существующий природный, социальный и технологический потенциал охотничьего хозяйства России, чем даже многие директивные программы, законодательные и иные официально принятые в правительственных кругах документы. Какие аргументы? Да предостаточно! Скажите, как можно верить серьезному программному документу¹, который предполагает увеличение свободно живущих охотничьих

---

¹ Реализация «Стратегии развития охотничьего хозяйства РФ» позволит до 2030 г. увеличить численность важнейших видов охотничьих животных в 2 раза.

Режим доступа: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=132290>

животных в 2 раза (в биологически неоправданный срок) и одновременно не предусматривает оптимально оправданное (научно обоснованное) использование этого природного ресурса для достижения экономически хозяйственного целесообразного результата?!

Это я говорю о господствующей ныне программе – волевой политике нашего правительства в отношении охотничьих ресурсов и охотничьего хозяйства. Последнее (охотничье хозяйство) имеет в нашей стране в настоящее время весьма зыбкий юридический фундамент и деформированные экономико-управленческие механизмы осуществления своей деятельности по использованию, охране и воспроизводству природных ресурсов (в первую очередь охотничьих животных). [1, 4, 6]

Как утверждает в своей статье «Стратегия выживания охотничьего хозяйства России» охотовед-практик В.Ф. Гинович: *«В нашем современном охотничьем хозяйстве, одновременно и параллельно идут два процесса - процесс совершенствования административно-командной системы происходящей на уровне управления и научного сообщества и процесс становления новых рыночных отношений происходящих на уровне производителей и потребителей, продавцов и покупателей, а это охотники и охотничьи хозяйства. Это два противоположных процесса - процесс совершенствования старого и процесс становления нового, которые без диалога и обсуждения, открытости и гласности могут перерасти в антагонизмы и уже сейчас приводят к негативным последствиям для природы и общества. Попытки подавлять, контролировать и регулировать рынок административными методами приводят общество к тоталитаризму, застою и его деградации.*

Рынок я понимаю как систему материальных взаимоотношений между физическими, юридическими лицами и властью, основанных на предпринимательском праве и взаимной выгоде, спросе и предложении, конкуренции и сотрудничестве, свободном ценообразовании и стоимости товаров и услуг. Наша, раздаточная модель управления экономикой, это тоже система материальных взаимоотношений между людьми и государством, основанная на других принципах: - единовластии, иерархической подчиненности (вертикаль власти), единой идеологии, взаимных договоренностях и выгодах, принуждении к труду и службе во имя отечества и общего блага. Противники этой системы ее называют: - административно-командная, распределительная, плановая, авторитарная, бюрократическая и т. д.» [5]

В результате несовмещения или несовпадения двух процессов (развития рыночных отношений и совершенствования административно-командной системы) в современном охотничьем хозяйстве России сложилась парадоксальная ситуация: имея колоссальные природные ресурсы, занимающие одно из

первых мест в мире по своему потенциалу, мы имеем недопустимо низкую экономическую эффективность использования ресурсного потенциала охотничьей отрасли. *«Выход охотничьей продукции с единицы площади и экономические показатели отрасли в России, несмотря на её значительный ресурсный потенциал, многократно ниже, чем за рубежом. Так, объём средств, вовлечённых в оборот, обусловленный охотой в США, в конце прошлого столетия составлял 60,9 млрд. долларов, а в 2011 г. вырос до 66 млрд. Эта сумма включает не только прямые поступления средств от участия в охоте 13 млн. охотников, но и учтённые косвенные источники смежных отраслей и напрямую не связанных с охотпользованием (производство и реализация охотничьего оружия и боеприпасов, оптики, охотничьих аксессуаров, вездеходного транспорта, полевого снаряжения, туристического оборудования и пр.). Любительская охота и спортивное рыболовство в Сев. Америке это мощная экономическая сила, не имеющая себе равного партнёра по вкладу в охрану природы. ... В нашей стране показателем экономической эффективности охотничьего хозяйства служит товарная продукция. Экологическая (средоформирующая) и социальная его роль недооценивается, а учёт «экономической волны», создаваемой охотой, не ведётся, не существует и соответствующих методик. В целях определения полного значения охотничьего хозяйства, реальной оценки его роли в экономике и привлечения внимания к его развитию как со стороны государства, так и бизнеса необходимо разработать такую методику с использованием опыта экономической науки по оценке межотраслевых балансов».* [7]

Анализируя теоретическую платформу, на которой в настоящее время формируется действующая модель современного российского охотничьего хозяйства, мы еще раз вынуждены процитировать фрагмент из статьи В.Ф. Гиновича, потому как этот фрагмент удивительно точно отражает сущность блужданий в формировании новой отечественной модели, и одновременно, показывает возможный выход из тупикового (по-нашему мнению) направления, в которое завели охотничье хозяйство России административно-рыночные эксперименты и управленческие решения последних трех десятилетий (1987-2017 гг.): *«Наша охотоведческая наука выделяет две модели охотничьего хозяйства, на которые можно ориентироваться: североамериканскую и европейскую. Мне кажется, что нам более близка и предпочтительнее американская модель развития охотничьего хозяйства, хотя исторические, экономические и законодательные предпосылки, по крайней мере, в западной части России, да и закон «Об охоте» на 80% ориентирует нас к европейской. Основные различия этих моделей в политических и экономических приоритетах и принципах управления. Американская модель нацелена*

на максимальное удовлетворение потребностей людей в охоте и охотничьей продукции. Ей наиболее соответствовали наши политические лозунги после октябрьской революции 1917 года: - «Дичь - общенародное достояние», «Вольная дичь - вольным охотникам», «Охота для всех». Если следовать этой модели, необходимо общественные интересы в охотничьем хозяйстве поставить выше государственных и изменить статью 4 закона «О животном мире», заменив государственную собственность на охотничьих животных - на общенародную. Тогда меняются и цели общества и государства в охотничьем хозяйстве.

Если следовать европейской модели развития охотничьего хозяйства, то надо концептуально изменить всю систему управления охотничьим хозяйством. Все организационные, хозяйственные производственные, природоохранные вопросы, проблемы и решения в области охоты необходимо перенести на уровень местного самоуправления, передав им соответствующие правовые и финансовые полномочия. Это позволит органам местного самоуправления и охотничьим хозяйствам самостоятельно определять пути и направления своего развития: - границы и площади хозяйств, нормы и квоты изъятия, сроки и параметры охоты и т. д. Центральное управление должно решать вспомогательную роль, собирая и обобщая различную информацию от охотничьих хозяйств и охотников, объясняя свою позицию охотпользователям и консультируя их в вопросах использования угодий и управления популяциями охотничьих животных и решая задачи, которые ими не могут быть эффективно решены на их уровне, а это вопросы законодательства, взаимодействия с другими ведомствами, международное сотрудничество, научные исследования и т. д.». [5]

Мы полагаем, что для формирования эффективной отрасли охотничьего хозяйства России, работающего на принципах долгосрочного неистощительного (биосферно-хозяйственного) природопользования необходимо разработать и осуществить комплекс целевых проектов (всего 12 – по числу «болевых» точек, и потому, что более 12 – это уже не комплекс, а необозримое трудноуправляемое нагромождение). Естественно каждый из 12 проектов комплекса будет подвергаться определенной обоснованной модификации и оптимизации с учетом региональных особенностей. Также концепция предполагает создание жизнеспособного механизма в масштабах каждого региона и для Российской Федерации – в целом, для осуществления координации, управления процессом, и, безусловно, надлежащего финансового и ресурсного обеспечения. [3]

Проект 1. Время действия – 2018-2031 гг. (Разбивается на самостоятельные ежегодные этапы, имеющие динамичные задачи и ежегодный контроль продвижения)

Тесное взаимодействие охотничьего хозяйства с лесным, туристско-рекреационным и природоохранным направлениями. Разработка и создание новых форм комплексного освоения биологических ресурсов – комплексных лесоохотничьих хозяйств и биосферно-охотничьих традиционных территорий (на основе синтетического опыта ГЛОХ, КЗПХ, КЛХП с учетом современных социально-экономических реалий).

Проект 2. Время действия 2018-2019 гг.

Широкое участие охотничьей общественности России в разработке нового проекта «Об охоте и охотничьем хозяйстве»

Проект 3. Время действия 2018-2021 гг.

Содействие возрождению системы «Главохота» с учетом современных реалий.

Проект 4. Время действия 2018-2021 гг.

Трансформация, возрождение и развитие системы «Росохотрыболов-союза», областных и районных охотобществ.

Проект 5. Время действия 2018-2021 гг.

Реанимация всероссийской службы комплексного охотустройства и мониторинга-прогнозирования ежегодных урожаев биологических ресурсов

Проект 6. Время действия 2018-2021 гг.

Организационно-правовое и социально-экономическое развитие территорий традиционного природопользования.

Проект 7. Время действия 2018-2021 гг.

Создание эффективной системы по рациональному использованию, воспроизводству и охране биологических ресурсов.

Проект 8. Время действия 2018-2031 гг.

Развитие охотничьего, лесного, таежного, этносоциального и экспедиционного туризма, направленного на сохранение и развитие этносов и этнических культур малых коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Проект 9. Время действия 2018-2019 гг. и далее до 2031

Разработка и развитие федеральной программы внутреннего и въездного охотничьего туризма.

«Очевидно, что без использования потенциала охотничьих хозяйств, действующих на территории муниципального образования, невозможно обеспечить комплексное природопользование и добиться устойчивого сельского развития. ... Охотничий туризм выполнял свою роль как инструмент

позитивного управления и как мощный стимул. Охота может давать доход для охраны природы и в то же время — для экономического и социального улучшения жизни местного населения, которое использует земли, населенные дикими животными, и несет в связи с этим прямые и косвенные расходы. ... В России охотничий туризм развивается достаточно активно. Однако в отличие от мировой практики, он не рассматривается, как составная часть устойчивого развития сельских территорий, т.е. не является устойчивым охотничьим туризмом.» [2]

Проект 10. Время действия 2018-2019 гг.

Создание федеральной государственной компании по заготовке, переработке и экспорту лекарственно-технического сырья, дикорастущей и мясодичной продукции.

Проект 11. Время действия 2018-2021 гг.

Создание федеральной сети бизнес-корпораций – сельских МЖК с целью формирования всероссийской системы комплексного использования, воспроизводства и охраны биологических ресурсов.

Проект 12. Время действия 2018-2021 гг.

Формирование всероссийской сети школ охотников и таежных промышленников (по всем регионам и районам).

По нашим предварительным оценкам, реализация положений (проектов) концепции позволит в течение четырех лет (2018-2021 гг.) сформировать эффективную систему охотничьей отрасли (комплексного использования биологических ресурсов), успешно решающую вопросы развития охотничьей деятельности (обеспечение права на ведение цивилизованной охоты) и обеспечения продовольственной безопасности, а также высокой социально-экономической результативности при условии долгосрочного неистощительного использования и воспроизводства ресурсов живой природы, не говоря об успешном решении задачи экологического значения: контролирование и сохранение больших природных территорий в состоянии биосферного (оптимального) равновесия.

«Путь, по которому движется наше охотничье хозяйство и стратегия утвержденная Правительством, это не стратегия развития и совершенствования, а стратегия выживания и регресса. Нам уже надо понять, что у нас разные взгляды на общие цели и пора от споров и конфронтации переходить к пониманию и диалогу, и сообща выбрать правильное направление развития охотничьего хозяйства нашей страны» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.Н., Краев Н.В., Краева В.Н. Государственная политика в сфере охоты и охотничьего хозяйства: история и современность. – Киров: ГНУ ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова Россельхозакадемии, 2013. – 152 с.
  2. Базаров Е.Ю. Устойчивый охотничий туризм — неотъемлемый элемент устойчивого развития сельских территорий / Е.Ю.Базаров, Г.Н.Бачурин, А.С.Еремин, А.А.Крумин // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов I международной научно-практической конференции (Иркутск, 4-7 апреля – 2014 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2014. – С. 119-124
  3. Винобер А.В. Основные положения альтернативной концепции охотничьего хозяйства России на 2017-2030 гг. / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. - 2016. – 3. – С. 66-71
  4. Винобер А.В. Охотничье хозяйство: будет ли эпоха Возрождения? / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. - 2016. – 1. – С. 5-16
  5. Гинович В.Ф. Стратегия выживания охотничьего хозяйства России / В.Ф. Гинович // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. - 2016. – 1. – С. 21-27
  6. Матвейчук С.П. О стратегии охотничьего хозяйства России / С.П. Матвейчук // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: материалы междунар. научн.-практ. конф., Иркутск, 24-26 мая 2012 г. – Иркутск: ИрГСХА, 2012.- С. 31-35
  7. Сафонов В.Г. К оценке значения охоты и охотничьего хозяйства / В.Г. Сафонов // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов I международной научно-практической конференции (Иркутск, 4-7 апреля – 2014 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2014. – С. 85-88
-

A. V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

**THE HUNTING ECONOMY OF RUSSIA:
MODEL FOR THE TWENTY-FIRST CENTURY**

The author concisely outlines their own alternative vision of development of the hunting economy of Russia in the coming decades of the XXI century. Noted that hunting economy has in our country at present is very shaky legal Foundation and the deformed economic and managerial mechanisms for implementation of their activities for the use, protection and reproduction of natural resources (especially hunting animals).

Key words: hunting economy, strategy, model, natural resources, hunting animals.

Поступила в редакцию 20 января 2018

Экономические и правовые проблемы охоты и охотничьего хозяйства

УДК: 349.6:639.1

М.Г. Окатьев¹, И.А. Гребнев^{2,3,4}
УМВД России по г. Кирову, Киров, Россия¹
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», Киров, Россия²
ФГБОУ ВО Вятская ГСХА, Киров, Россия³
АНО «Институт природоресурсного и экологического права», Россия⁴

**ЛИШЕНИЕ ПРАВА ОХОТЫ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Статья посвящена рассмотрению некоторых актуальных теоретических и практических вопросов, связанных с лишением права охоты. Авторами выдвинуты предложения по совершенствованию действующего административного законодательства и законодательства в сфере охоты и сохранения охотничьих ресурсов.

Ключевые слова: право охоты, лишение специального права, теория охоты, охотничий билет, охотники.

Лишению специального права охоты посвящено не так много работ, в основном авторы касаются этого вопроса описательно или сосредотачиваются на тех или иных аспектах существующей практики.

Оговоримся, что согласно применяемой в специальных статьях КоАП РФ формулировке, в качестве вида наказания гражданин лишается не права охоты, а права «осуществления охоты». Технической разницы в этом тонком отличии нет, так как право охоты (по своей сути, право от рождения, личное неимущественное неотчуждаемое право) не может быть реализовано законным путём без права осуществления охоты, каковое возможно только при наличии совокупности разрешительных документов. Следовательно, если охотника лишают права осуществления охоты, то его право охоты умалется до степени невозможности реализации.

Не удалось найти сколь-нибудь подробных теоретических обоснований, объясняющих, почему право охоты рассматривается законодателем как право специальное, а не как право естественное. Дело, по-видимому, в том, что воззрение об охоте как специальном праве возникло изначально в связке и в связи с лишением права, то есть непосредственно при решении вопроса о применении наказания, то есть, иными словами, вначале возникла концепция лишения права охоты как права специального, а потом возникли вопросы, кто и когда обосновал, что это право специальное. В имперском Законе «Об охоте» [1] отсутствовали какие-либо указания на возможность лишения права охоты, поэтому, судя по всему, лишение права охоты как специального

права – изобретение советского периода. Можно только предполагать, что рассматривать лишение права охоты в режиме специального права побудили не называемые в законе соображения о том, что право охоты связано с правом хранения и ношения оружия, хотя множество охотников не применяют оружие на охоте, используя охотничьи орудия, не являющиеся оружием, но всё это только из разряда предположений. Требуется тщательное ретроспективное исследование архивных данных о законодательных проектных предложениях для установления истории происхождения воззрений лишения права охоты именно как права специального. Пока авторство этой концепции остаётся невыясненным.

Исследуя правоприменительную практику, связанную с назначением рассматриваемого вида наказания, С.П. Матвейчук указывает: «Установление пределов санкций, сложившаяся практика назначения наказания в виде лишения права охоты и само понимание этого вида наказания противоречат некоторым важным принципам права и статусу охоты» [2, с. 179]. Подробно останавливаясь на лишении права охоты по уголовным делам, Матвейчук С.П. замечает любопытный парадокс, который также можно отнести и к делам об административных правонарушениях. Противоречие между декларируемыми принципами административного и уголовного судопроизводства заключается в том, что такое тяжелое для любого охотника наказание как лишение права охоты можно применить только к тем охотникам, которые это право перевели из права естественного, имеющегося у любого гражданина, в право специальное, возникающее в силу специального акта государственной власти - выдачи охотничьего билета. В этой связи Матвейчук С.П. делает интересное наблюдение, указывающее на абсурдность ситуации: «Если легальность охотника и может признаваться обстоятельством, характеризующим личность, то только с положительной стороны, в отличие от граждан, занимающихся охотой исключительно незаконно» [2, с. 179]. Применительно к уголовному браконьерству, совершаемому в соучастии, С.П. Матвейчук обозначает проблему еще более жестко: «При отсутствии особо активной роли легального охотника в совершении группового преступления и назначения всем соисполнителям равного основного наказания назначение этому охотнику дополнительного наказания нарушает принцип равенства граждан перед законом не только формально. В то время как легальный охотник публично на определённый срок лишается права охоты, остальным соисполнителям ничто не мешает в любое время, хотя бы и на следующий день после вступления приговора в законную силу, получить охотничий билет и заниматься, во всяком случае, самоловным промыслом или охотой с пневматическим охотничьим оружием» [2, с. 180]. Отмеченное в контексте уголовного

права позволяет сделать аналогичное заключение в отношении точно такой же проблемы, существующей в делах об административных правонарушениях.

С учетом вышеизложенной проблематики мы считаем необходимым введение наказания, закреплённого в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, которое составляло бы альтернативу лишению специального права для охотников, - судебный запрет на выдачу охотничьего билета наказываемому гражданину на тот же срок, что и лишение специального права. Но так как, на наш взгляд, это было бы слишком мягким наказанием, если бы было основным наказанием, в отношении совершивших правонарушение граждан, не имевших статуса охотника по охотничьему билету, мы предлагаем это наказание присовокуплять как дополнительное к основному, например, штрафу. Также предполагаем, что эта концепция будет приемлема и в отношении специального права управления транспортными средствами.

В ранее действовавшем КоАП РСФСР 1984 года допускалось лишение права охоты производить должностному лицу охотнадзора. Сейчас лишение специального права могут производить только судьи, за редкими исключениями, сами не занимающиеся охотой, что не может не сказываться на некоторых аспектах рассмотрения дел, в частности, таких как понимание охоты не только как занятия для личного удовольствия, но и как основы для пласта экономической деятельности, выражающейся в получении материальной продукции, в особенности пищевой, используемой для питания собственной семьи. Даже если охота не является основным источником дохода семьи или источником существования охотника-любителя, она, тем не менее, существенно влияет на его рацион. Поэтому лишение права охоты большинством охотников-любителей воспринимается как самое тяжёлое. Ранее существовавшая процедура допускала сокращение срока лишения специального права, если наказанный правонарушитель встал на путь исправления. Некоторые авторы [3] полагают, и мы с ними согласны, что следовало бы сохранить институт сокращения срока специального права, например, при ходатайствах общественных охотничьих организаций в пользу лишённого специального права.

Часть четвёртая ст.3.8 КоАП РФ запрещает лишать специального права охоты тех граждан, для которых она является источником их существования, за исключением случаев, предусмотренных частью 1.2 статьи 8.37 КоАП РФ. Относительно права на осуществление охоты общепринятой точкой зрения является то, что в названную категорию включаются охотники-промысловики. Как отмечал К.С. Курдюмов [4], правовой статус охотников-

промысловиков в законе «Об охоте...» прописан совершенно неудовлетворительным образом, а посему существует и в этом вопросе правоприменительная трудность, отдаваемая целиком на усмотрение судьи, что само по себе не создаёт для привлекаемого к ответственности охотника гарантий от произвола при осуществлении судьёй свободы толкования закона.

Исследуя норму части четвёртой статьи 3.8 КоАП РФ, нельзя не обратить внимание, что она подверглась существенной правке, осуществленной Федеральным законом от 23.07.2013 № 201-ФЗ, в связи с введением нового состава правонарушения в части 1.2 статьи 8.37 КоАП РФ. Это изменение впервые ввело исключение из иммунитета ограничения на лишение специального права.

Никто не занимался изучением статистики, сколько теперь граждан, для которых охота является основным источником существования, потеряли этот иммунитет. Полагаем, что положение таких граждан существенно ухудшено и совсем не мотивировано в критериях ограничения прав граждан, каковые прописаны в части третьей статьи 55 Конституции Российской Федерации. Впрочем, это вопрос для специального исследования, который важен с точки зрения понимания того, что охота, в том числе, обеспечивает основное из прав человека - право на жизнь (статья 20 Конституции Российской Федерации, статья 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS N 005).

Мы должны говорить о лишении права на жизнь для тех случаев, когда возможность охотиться является профессиональной необходимостью или входит в состав должностных обязанностей лиц, чья деятельность непосредственно связана с охотой и ведением охотничьего хозяйства, например егерей и охотоведов, работающих по трудовому договору у долгосрочного охотпользователя, или имеющих с ним гражданско-правовые отношения, возникшие до ситуации конфликта с органом государственного надзора, по условиям которых охота – атрибут той деятельности, которая оговаривается в договорах гражданско-правового характера. Оговорка о возникновении таковых отношений до конфликта сделана ввиду предвидимой возможности злоупотребления правом посредством заключения гражданско-правового договора (в том числе как ретроактивной сделки, то есть регулирования отношений так называемым «задним числом», когда стороны признают поздним письменным договором ранее фактически сложившиеся правоотношения) в целях избегания наказания в виде лишения специального права осуществления охоты искусственным созданием препятствий для наложения такого взыскания. Видится, что условия статьи 303 УК РФ о фальсификации доказательств по делам об административных правонарушениях должны понимать-

ся не только в отношении тех доказательств, которыми устанавливаются обстоятельства материального состава, объективной и субъективной стороны самого правонарушения, но и в отношении доказательств тех фактов, которыми устанавливаются обстоятельства иные, необходимые для правильного разрешения дела (пункт 7 ст. 26.1 КоАП РФ).

Кроме того, следует обратить внимание на норму части первой статьи 3.8 КоАП РФ, согласно которой лишение специального права устанавливается за грубое или систематическое нарушение порядка пользования этим правом в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ. Лишение специального права назначается судьей.

В данном случае вопрос о грубости нарушения отдаётся на усмотрение судьи, так как в охотничьем отраслевом законодательстве ясного указания на то, что понимается под грубым нарушением порядка пользования правом осуществления охоты, нет. Для устранения данного дефекта правового регулирования считаем целесообразным в нормативном акте не ниже уровня федерального закона установить критерии «грубого нарушения порядка пользования правом осуществления охоты».

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1895. Собрание третье. Т. 12 (1892). № 8301. С. 81 – 85.

2. Краев Н.В., Матвейчук С.П. Ответственность за незаконную охоту. - Киров, ВНИИОЗ, 2002. – 496 с.

3. Касаткин В.Ю., Краева В.Н. Проблемы и перспективы восстановления специального права // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. В.Н. Скалона, Иркутск, 28 мая – 1 июня 2003 г. /ИрГСХА. – Иркутск: Изд-во «Облмашинформ», 2003. С. 282-284.

4. Курдюмов К.С. Закон «Об охоте...» об охотниках-промысловиках.//Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию фак. охотоведения им. В.Н. Скалона, 27-30 мая 2010 г. / М-во сел. хоз-ва РФ, Департамент науч.-технол. политики и образования, ФГОУ ВПО "Иркут. гос. с.-х. акад."; [науч. ред. Д. Ф. Леонтьев ; редкол.С.М. Музыка и др.]. - Иркутск : Изд-во Иркутской государственной сельскохозяйственной академии, 2010. С.74-75.

M.G. Okatev¹, I.A. Grebnev^{2,3,4}

UMVD of Russia across Kirov, Kirov, Russia¹

*Federal State Educational Institution of Higher Education Vyatka State Agricultural Academy,
Kirov, Russia²*

Vyatka State University, Kirov, Russia³

ANO «The institute of ecological and natural resources law», Russia⁴

DEPRIVATION OF THE HUNTING RIGHTS: SOME QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

The article is devoted to consideration of some current theoretical and practical issues related to the deprivation of the hunting rights. The authors put forward suggestions for improvement of the current administrative legislation and legislation in the field of hunting and preservation of hunting resources.

Key words: the right of hunting, deprivation of a special law, the theory of hunting, hunting license, hunters.

Поступила в редакцию 11 января 2018

УДК: 349.6:639.1

М.Г. Окатьев¹, И.А. Гребнев^{2,3,4}

УМВД России по г. Кирову, Киров, Россия¹

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», Киров, Россия²

ФГБОУ ВО Вятская ГСХА, Киров, Россия³

АНО «Институт природоресурсного и экологического права», Россия⁴

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В СОУЧАСТИИ, В СФЕРЕ ОХОТЫ

Статья посвящена рассмотрению некоторых актуальных проблем, возникающих в процессе по делам об административных правонарушениях, совершенных в соучастии, в сфере охоты. Авторами выдвинуты предложения по совершенствованию действующего административного законодательства.

Ключевые слова: административное правонарушение, институт соучастия, вина, охота, охотники.

В отличие от уголовных дел, в которых институт соучастия широко применяется, и даже в случае дел по статье 258 УК РФ служит для обоснования выделения более жесткого состава в части второй («То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой»), в процессе производства по делам об административных правонарушениях в сфере охоты отсутствие этого института объективно влечёт невозможность полноценного рассмотрения дел и оценки действий каждого в акте охоты как технического действия, направленном на добывание охотничьего животного, и в законом предписанной процедуре оформления охоты (получение разрешения, документирование действий на местности, отчётность перед государственными органами). Таким образом, сравнительный критерий в оценке роли каждого охотника в охоте, который помог бы большей объективности при рассмотрении дел в целях индивидуализации наказания и определения его по справедливости, не может быть применён конкретным судьёй или должност-

ным лицом, который не рассматривал дела других участников охоты и сам лично не помнит обстоятельств и фактов дел других участников охоты для вычленения степени участия того лица, в отношении которого ведётся производство по делу, находящемуся на рассмотрении в данном конкретном случае.

В данном контексте выявляется несколько проблем правоприменения. Например, проблема разной квалификации деяний, совершённых участниками одной и той же охоты, в делах, рассмотренных в отношении каждого из них по отдельности. Не исключена ситуация, когда кто-то из соучастников будет привлечен к ответственности, а другой нет. Вполне можем предположить наличие случаев злоупотребления правом усмотрения должностного лица на передачу дела в суд только в отношении одного из участников охоты при рассмотрении дел других участников самим должностным лицом.

Исследование соучастия в деле об административном правонарушении упирается также в определение формы вины каждого из соучастников.

Вполне возможно, что одна из двух форм вины (умысел, неосторожность) в отношении одного из соучастников не может быть установлена, тогда невозможно говорить об установлении вины вообще (вина без формы не существует, а помимо формы вины КоАП требует выяснять ещё и виновность лица – части первая и вторая статьи 2.2, пункт 3 статьи 26.1). Любопытное замечание делает А.Р. Нобель: «Системное толкование положений ст. 1.5, 2.1, 2.2, 26.1 КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что вина в совершении правонарушения не может считаться установленной без определения ее конкретной формы у физического лица (ст. 2.2 КоАП РФ) и всех обстоятельств, предусмотренных законодателем для юридического лица (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ)» [1]. Форма вины должна оцениваться как один из критериев определения вида и размера наказания. Профессор Рарог А.И. писал: «Без установления формы и особенностей содержания вины невозможно правильное назначение наказания...» [2].

Полноценно изучить вопросы вины и виновности возможно только при едином рассмотрении действий всех участников охоты в процессе по единому делу. Соответственно, если участники охоты становятся соучастниками правонарушения, должен обеспечиваться единый стандарт (подход) конкретным судьёй или должностным лицом к оценке фактов и доказательств при установлении подлежащих установлению по делу обстоятельств (ст. 26.1 КоАП).

Изучение судебной практики показало существование проблемы, связанной с недостаточно подробным изложением фактов и мотивированности выводов суда относительно аргументов и доводов при рассмотрении жалоб

на вынесенные судебные решения. Так, постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 1 августа 2016 г. № 59-АД16-7 оставлена без удовлетворения жалоба на вступившие в законную силу акты по делу об административном правонарушении. В тексте постановления нами не усмотрено изложения доводов заявителя, их приходится угадывать по контексту выводов судьи по жалобе, так как сама позиция заявителя жалобы передана одной фразой: «В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Зубков В.Ю. просит отменить<...> [акты], вынесенные в отношении его по настоящему делу об административном правонарушении, считая их незаконными». Европейский суд по правам человека полагает, что «Изложение мотивированного решения является единственной возможностью для общест-венности проследить отправление правосудия» [3], в отношении же такого элемента мотивации, как изложение доводов рассматриваемых жалоб, мы считаем возможным отметить, что в тех случаях, когда ссылка заявителем жалобы делается на действия других участников охоты (фактически соучастников правонарушения), оценённые в отдельных делах по вопросам фактов и права, подлежащего применению, соучастник, который не имел возможности возражать или представить свои доводы по делу другого участника коллективной охоты лишается существенной составляющей права на защиту в своём деле. Ведь даже опубликованный судебный акт по делу соучастника, в котором не отражены в должной степени подробности мотивов и доводов соучастника, и их опровержение судом со ссылкой на то, в чём они закону противоречат или не соответствуют, какими доказательствами опровергаются, если в нём даётся лишь видимость мотивации (например, «доводы несостоятельны», «возражения не могут быть приняты судом во внимание»), будучи в некоторой мере предрешающими для разрешения дела, рассматриваемого после других дел (формально, предрешённости нет, но фактически, - с большой долей вероятности предполагаем, - она есть), лишает права знать существо и суть решения, оценить его законность и справедливость, поведение судьи в связи с предыдущим делом и заявить, например, отвод подробно обоснованный соображениями о предвзятости суда, продемонстрированной в материалах дела соучастника. Знание поведения судьи в другом процессе по сопрягающемуся делу становится существенно значимым для соучастника, чьё дело рассматривается отдельно. Европейский суд по правам человека в критериях соблюдения права на справедливое отправление правосудия, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Римской конвенции 1950 г. [3], в аспекте обеспечения объективности и беспристрастности суда занимает неоднозначную позицию, возлагая на участника дела обязанность доказывания обстоятельства утраты судьёй объективности и беспристрастности. «В ряде дел Суд

приходил к выводу о том, что участие одного и того же судьи в двух разбирательствах, касающихся тех же событий, может при определенных обстоятельствах ставить под сомнение беспристрастность судьи (см., например, постановление Европейского Суда от 7 августа 1996 года по делу «Феррантелли и Сантанджело против Италии» (Ferrantelli and Santangelov.Italy), пункт 59, Сборник постановлений и решений 1996-111, и постановление Европейского Суда от 16 ноября 2000 года по делу «Рохас Моралес против Италии» (Rojas Morales v.Italy), жалоба № 39676/98, пункт 33, в которых было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку председательствующий судья по уголовному делу ранее уже рассматривал дело одного из обвиняемых, и, напротив, постановление Европейского Суда от 10 августа 2006 года по делу «Шварценбергер против Германии» (Schwarzenberger v. Germany), жалоба № 75737/01, пункты 37 и далее; решение Европейского Суда от 12 апреля 2007 года по делу «Мартелли против Италии» (Martelli v. Italy), жалоба № 20402/03; и постановление Европейского Суда от 24 марта 2009 года по делу «Поппе против Нидерландов» (Poppe v. the Netherlands), жалоба № 32271/04, пункты 22 и далее, в которых Суд не установил нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в аналогичных обстоятельствах; см. также «Фатуллаев против Азербайджана» (Fatullayev v. Azerbaijan), жалоба № 40984/07, пункты 135-140, от 22 апреля 2010 года, где один и тот же судья рассматривал вопросы как гражданско-правовой, так и уголовной ответственности, проистекающие из тех же самых обстоятельств») [4].

Проблема оценки в постановлении по делу законности действий другого соучастника или других юрисдикционных органов в отношении другого гражданина, явно шире и не может быть подробно рассмотрена в рамках данной работы. Тем не менее, считаем обоснованным положение, согласно которому лицо, оценка действий которого дана в постановлении (решении) по делу другого лица, или дана оценка законности действий государственных органов в отношении этого лица в деле другого лица, вправе потребовать отмены постановления (решения) в части, касающейся такой оценки. Полагаем, что данное право следует закрепить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым согласиться с твёрдым убеждением Н.А. Морозовой: «Введение института соучастия в науку административного права и внесение соответствующих норм в КоАП РФ представляется неизбежным» [5]. Настало время продумать насущные проблемы квалификации соучастия лиц, участвующих в правонарушениях в сфере охоты, так как специфика дел данного рода способна запутать практически любого юриста общей квалификации, не знакомого в достаточной сте-

пени с охотой и охотничьим хозяйством, особенностями обычаев охотников, запутанным и противоречивым специальным законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нобель А.Р. О некоторых вопросах установления вины в совершении административных правонарушений. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 41–43.
2. Рарог А.И. Вина и реформа уголовного законодательства. // Советское государство и право. 1988. №10. С. 62-70.
3. Пункт 83 Постановления Европейского Суда по правам человека от 11 января 2007 года по делу «Кузнецов против Российской Федерации» (жалоба № 184/02) [электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс: Международное право».
4. Пункт 76 Постановления Европейского суда по правам человека по делу «ООО «Редакция газеты «Вести» и Ухов против России» (Жалоба № 21724/03) от 30 мая 2013 г. Неофициальный перевод. Цитируется по экземпляру официальной рассылки Верховного Суда Российской Федерации при сопроводительном письме № ОК-421/13 от 09 декабря 2013 г.
5. Морозова Н.А. Соучастие в совершении административного правонарушения // Журнал российского права. 2014. №8 (212). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/souchastie-v-sovershenii-administrativnogo-pravonarusheniya>.

M.G. Okatev¹, I.A. Grebnev^{2,3,4}

UMVD of Russia across Kirov, Kirov, Russia¹

Federal State Educational Institution of Higher Education Vyatka State Agricultural Academy, Kirov, Russia²

Vyatka State University, Kirov, Russia³

ANO «The institute of ecological and natural resources law», Russia⁴

ABOUT SOME PROBLEMS ARISING IN THE PROCESS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES COMMITTED IN COMPLICITY, IN THE FIELD OF HUNTING

The article is devoted to some topical problems arising in the process in cases of administrative offences committed in complicity, in the field of hunting. The authors put forward proposals to improve the current administrative law.

Keywords: administrative offence, complicity, wine, hunting, hunters.

Поступила в редакцию 11 января 2018

УДК 349.6 : 343.771 : 639.1.05

А.А. Гартфельд

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ОБ ОХРАНЕ ЖИВОТНОГО МИРА И БОРЬБЕ С БРАКОНЬЕРСТВОМ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ И СИБИРИ ДОСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В настоящей статье проанализированы обычно-правовые нормы о сохранности животного мира и борьбе с браконьерством в Приарктическом регионе досоветской России. Намечены пути предупреждения гибели животных и водных биологических ресурсов. Обобщен научный и практический опыт в этой сфере человеческой деятельности для использования его в современных условиях.

Ключевые слова: обычное (местное) право, незаконная охота, браконьерство, виды наказаний за незаконную охоту, безотходные технологии, сохранение животного мира и водных биологических ресурсов

В истории развития человек как высшее творение природы пользуется ее благами, поэтому он не может «не оглядываться назад», на деятельность предыдущих поколений. К сожалению, малоизученным остается исторический период становления и формирования принципов, лежащих в основе всего комплекса отношений «общество-природа», позволяющего выявить многие сегодняшние проблемы эколого-правовой политики Российского государства [17, с. 3]. Между тем эти проблемы обострились и требовали определенных путей решения на общегосударственном уровне, опираясь на исторический опыт [17, с. 3].

Настоящий период, именуемый «столетием окружающей среды», вызвал новые потребности для всестороннего исследования экологических проблем. Стремление к сотрудничеству представителями различных наук актуализируется всемирным кризисом окружающей природной среды, простирающимся от загрязненных вод индустриальных стран к беднейшим государствам мира: надвигающееся исчезновение миллионов разновидностей растений и животных, тысяч экосистем, полностью изменяющее достижения эволюционного развития, во многом связанных с водным кризисом в целом.

С учетом выше изложенного проанализируем обычно-правовые нормы в борьбе с незаконной охотой и рыболовством на территории Севера и досоветской Сибири. Малые народы Приарктической зоны оказались в сложной правовой ситуации. Их юридические обычаи – обычаи доклассового общества, получив санкцию государственной власти, как бы трансформировались в нормы обычного права. Такая трансформация явилась следствием включения

полупервобытных, в сущности, народов в классовое общество, и это не могло не отразиться на их юридическом быте [18, с. 65].

«Народы Севера стали объектом действия двух различных, находившихся в конфликте систем права – государственного и своего, местного права. В подобных случаях падал престиж и постепенно, но неуклонно сокращалась область применения последнего. Его отдельные нормы подвергались деформации и модернизации. Сами они обновлялись за счёт рецепции правовых норм, необходимых для регулирования новых отношений, возникавших в результате внешних контактов. В конечном счёте, это право, хотя и распространялось на большинство туземного населения, оказалось сведённым до уровня частного, исключительного права» [18, с. 150].

Сохранение традиционной юстиции не уберегало народы Севера от произвола и насилия чиновников, в том числе и судебных, ущемления прав и интересов со стороны скупщиков пушнины, рыбопромышленников, зажиточной части русского и коми населения. Иначе говоря, общинное право народов Севера, регулируя внутренние отношения, было бессильно защитить их от посягательств извне. Покровительство правительства мало что значило на месте - в дебрях тайги и на безбрежных просторах тундры [19, с. 151].

Применение двух правовых систем требовало разграничения сфер их действия. Первоначально такого разграничения не существовало, только в 20-х гг. XVIII в. были предприняты попытки расчленить сферы действия закона и обычая. Однако разграничение не имело чёткости, проводилось непоследовательно и постоянно нарушалось чиновниками, вмешивавшимися в юридические конфликты народов Севера.

Доправовую юридическую культуру народов Севера отличала архаичность форм, меньшая степень развитости по сравнению с обычно-правовым институтом древних народов, отразившим отношения уже классово-дифференцированного общества. В ней фиксировалось отсутствие частной собственности на землю, водные пространства, промысловые и пастбищные угодья, некоторые средства производства, отмечалось социальное равенство людей. В то же время это культура дифференцированного по-своему общества. Она различна, хотя и не в резкой форме: общественное положение людей (князец, старшина, рядовой общинник) наделяло разными правами разные возрастные группы, старожилы и новосёлов, учитывались системы родства, определявшие порядок наследования [19, с. 151].

Обычное право различных народов – это в значительной степени право отдельных групп и общин, индивидуум получал признание только через принадлежность к определённым коллективам. Солидарность общества ставилась в нём выше индивидуальных интересов его членов, за которыми не при-

знавалось, собственно говоря, никаких прав. Функция обычного права состояла отнюдь не в охране и признании прав субъекта, а в обеспечении сплочения группы, в поддержании согласия и взаимопонимания в отношениях между её членами [19, с. 108].

«Отсюда примирительная направленность общинного права; в основе его лежала идея примирения и арбитража, а не идея права как таковая, в нем большее место занимали нормы простой справедливости. Общинное право народов Севера претерпевало известные изменения, глубина которых, как правило, зависела от продолжительности и интенсивности контактов с русским населением» [19, с. 67].

Другое изменение заключалось в постепенной консолидации разрозненных, нечетких юридических обычаев народов Севера в более или менее определенные нормы, свойственные общинному праву народов, ушедших далее в своем развитии. Однако разложение традиционных институтов, ослаблявших нравственные нормы, породило преступления против собственности и личности. По архивным данным, у кочевников-оленоводов преобладали уголовные дела, большую часть которых составляли кражи оленей, у охотничье-рыболовецкого населения – гражданские дела [18, с. 108].

Сказанное выше будет далеко не полным, если не обратиться к обычно-правовым нормам, регулировавшим отдельные сферы человеческой деятельности («отрасли» обычного права). Самоеды охотились на зверя в тундре, в лесах и на море. Выгодными промыслами морских зверей «они занимаются мало, так как русские заняли все лучшие промысловые места как на Канинском и Тиманском берегах, так и около Югорского шара. Русские берут Самоедов в рабочие как отважных и искусных охотников, но, разумеется, тогда все выгоды промыслов переходят в руки русских» [20, с. 68].

В тундре Самоеды ловили песцов и лисиц. Но и здесь им мешали русские и зыряне, которые также промыслили в тундре зверя. Их неразумный подход к ведению охоты приводил к истреблению зверя. Так, русские вынимали из нор щенят лисиц, чтобы выкормить их дома. А это существенно сказывалось на уменьшении числа этого зверя в тундре. «Ещё сильнее истребляют песцов Зыряне: живя в тундре только до осени и не имея нужды щадить интересы Самоедов, они не выжидают того времени, когда песец побелеет и сделается выгодным для охоты, а истребляют его в первом возрасте, пока он не имеет ещё большой ценности, к тому же истребляют, выкуривая его из нор, а из таких выкуренных нор песец тотчас удаляется и не возвращается в них более. Самоеды, чтобы получить хоть что-нибудь, подражают Зырянам, хотя хорошо понимают всю разорительность такого способа охоты, грозящего полным истреблением зверя в тундре» [19, с. 72-73].

Предметами завладения у корелов бывали чаще всего сенокосные участки, пахотная земля, рыболовные места в реках и т.п. Завладение происходило, во-первых, «вследствие задолжания одного лица другому; во-вторых, при разделе земель и вообще таких предметов, которыми пользовалось всё общество». Здесь «очевидно действует право сильного, то есть кулаков и мироедов» [18, с. 114]. У лопарей имели место захваты различных угодий: озерных, речных рыбных и звериных. Эти захваты разбирались в том мирепогосте, в котором находился виновник захвата, по заявлению законного владельца [20, с. 114].

Подводя итог сказанному о способах приобретения права собственности, кратко остановимся на экономической форме деятельности народов Севера. Важное место в экономике этих народов принадлежало охотничьему промыслу и рыбной ловле. Они давали не только пищу и материал для изготовления одежды, но и пушнину, служившую основой меновой торговли. Для некоторых из них этот промысел являлся главным источником существования. У народов Севера имелся тщательно разработанный институт охотничьего и рыболовного права, нормировавший все существенные его случаи, в том числе и право на охотничью и рыболовную территорию.

Наиболее древняя норма его не признавала не только частной собственности на землю и леса, а, следовательно, на охотничьи и рыболовные угодья, но и прав исключительного владения ими. Она сохранялась вплоть до новейшего времени везде, где не изменялась заметным образом плотность народонаселения. В качестве основного принципа обладания той или иной территорией, как указывалось выше, выступал труд, затраченный на освоение земельного или водного участка. «Для получения права собственности на охотничьи угодья у коми и других народов Севера было достаточно поставить охотничью избушку («вёр керка») в неосвоенной ещё никем местности и пометить затесами со знаком собственности («пас») путики.

С этого момента весь участок леса или водного участка, очерченный путиками, признавался собственностью промысловика. Он получал единоличное право добычи пушного зверя и дичи в своём угодье и ловли рыбы в водоёмах, находившихся на его территории. Неофициальные права на охотничьи угодья, полученные промысловиком после устройства путиков, становились неоспоримым законом для остальных охотников, воспрещавшим появление на этом участке с целью добычи кому-либо, кроме хозяина угодья и членов его семьи» [14, с. 167].

Охотничье или рыболовное угодье после смерти его владельца переходило по наследству по нисходящей родственной линии, как правило, к младшему сыну хозяина угодья, остававшемуся обычно в родительском доме по-

сле женитьбы. Он становился владельцем отцовского «паса». Другие сыновья по достижении совершеннолетия и женитьбы приобретали (осваивали) незанятую никем охотничью или рыболовную территорию [18, с. 79].

Такой же порядок наследования охотничьего или рыболовного угодья был у коми-пермяков [23, с. 222], у хантов [15, с. 188-189], у марийцев и вепсов, в основном таким же образом регулировался обычным правом в Поволжье и на Европейском Севере, Сибири [3, с. 14-15]. Однако это совсем не означало отсутствия всяких правил пользования охотничьими угодьями. Охота или рыболовство разрешались всем и везде при условии, чтобы никто не мешал друг другу, чтобы никто не мог претендовать на занятые кем-либо угодья.

«Вместе с тем у жителей каждого селения имелась своя промысловая территория, имелись свои охотничьи или рыболовные угодья (урманы), право пользования которыми принадлежало только им, как первым освоителям этих угодий. Со временем на этой территории стали выделяться места, право охоты или рыбной ловли на которых принадлежало отдельным семьям, поставившим там свои ловушки. Это ещё не делёж угодий на участки, речь шла именно о местах, где поставлены охотничьи или рыболовные снасти (ловушки). Право охоты на определённое место (и время) оставалось в руках определённого человека, что означало отход от традиции, но это право, являвшееся не правом собственности и владения, а лишь правом пользования, не было ещё и безусловным. Оно признавалось и за другими, но с известным ограничением – лишь с согласия первопользователя» [18, с. 79].

Рациональные правила по охране зверей содержались, прежде всего, в правилах промысла, усиливавших порядок и технику изъятия животных или рыбы из поставленных ловушек. Основу при этом составляли правила пользования охотничье-промысловыми угодьями, водными территориями, что чётко прослеживалось при промысле бобров. Так, например, «в якутских наслеггах и улусах дореволюционного периода вопрос об охотничьих угодьях с целью распределения их между жителями специально не рассматривался, что, однако, не означало отсутствия права исключительного пользования теми или иными угодьями у отдельных лиц. Каждое охотничье-промысловое место связывалось с именем отдельного человека, говорилось даже о принадлежности ему места промысла» [6, с. 109].

Конфликт между жиганскими якутами и кочевыми жителями «бродячих» родов имел давнюю историю. Еще в 1831 г. жители Жиганского улуса жаловались, что старшина Шологонского рода Виллюйского округа «в немалом числе душ родовичей своих в семи юртах» прикочевал к местам Жиганского улуса и причинил следующее, как сказано в жалобе, «разорение»: на

великом пространстве «выжжено огнем оленных кормовищ, засек для поставучных лугов на дикого оленя и пастей для пушного зверя, построенных в немалом количестве, сверх того, преждевременно опромышлены все означенные места в облинявшей птице, доставлявшей местным обывателям запас для зимнего продовольствия и разорением гнезда волков и лисиц, из коих выкапывая детей их, убивали и самих матерей, несмотря, что все сие в то время не могло приносить им ни малейшей пользы» [19, с. 80].

По словам одного старожила, баи промысловыми участками «владели с давних времён. Имели границы, которые обозначали зарубками на деревьях. Уважали эти границы, не нарушая их. Не принято было без крайней нужды посещать владения других лиц» [2, с. 61].

Таким образом, можно однозначно заявить, что частный характер владения промысловыми угодьями не вредил делу охраны животных и водных биологических ресурсов. В Кытанахском наслеге Чурепчинского района есть алас «Боттиэмэлээх» с озером посередине. В дореволюционное время сенокосные угодья этого аласа находились во владении тойона В.Н. Собакина. Тойон обладал также правом исключительного пользования и озером. Никто не смел там охотиться, рыбачить и даже собирать в окрестностях утиные яйца. По воспоминаниям старожилов наслега, в этом озере ежегодно гнездились турпаны [7, с. 28].

Так же поступали якуты и по отношению к окружающему животному миру. В этом плане особенно интересны обычаи якутов, касающиеся промысла речных бобров – редких в условиях Якутии второй половины XIX в. животных. «В тех местностях, где сохранились ещё речные бобры, - читаем у Н. Захаренко, – якуты очень заботятся о сохранении дорогих зверей, и правила, установленные для охоты за бобрами, указывают, что охотники относятся к ним почти как к домашним животным... Старых бобров убивают только в крайних случаях, когда надо заменить одну пару производителей другою...» Далее: «...охота за чужими бобрами в глазах якутов считается одним из самых непростительных грехов, да и сам хозяин не имеет права начать охоту за приплодом раньше установленного срока» [6, с. 110].

Запрещалось поблизости от жилища бобров промышлять другого зверя с собакою или ставить на реке рыболовные снасти из опасения неумышленно повредить зверя... Обыкновенно в вылавливании каждой пары участвуют не только ее владельцы, но и хозяева остальных пар... Главный вопрос при определении порядка охоты заключается в том, чьих бобров будут выбивать раньше. Как говорят, весьма важно пораньше оставить старую племенную пару на покое и дать ей собрать запасов на зиму [4].

«Неприкосновенность чужой промысловой территории, находящейся под защитой норм обычного права, строго соблюдалась всеми охотниками. Освоение территории, смежной с занятой угодьями, допускалось только с разрешения соседей. Нарушение права собственности на охотничью территорию влекло за собой разгром вновь устроенных «путиков», поджог сооружённой в пределах чужого угодья избышки и т.п. Подобные меры борьбы с нарушением права личной собственности, не имея под собой основы со стороны официальной юриспруденции, пользовались полным одобрением местного населения» [12, с. 170-171].

«Охотник, пойманный с поличным во время промысла в чужом угодье, подвергался наказанию и немедленному изгнанию с чужой территории. Иногда, правда, крайне редко, даже случались убийства на этой почве» [25]. В качестве наказания, в частности, на Верхней Вычегде было распространено изъятие всей добытой незаконным путём дичи и пушнины, а по окончании охотничьего или рыболовного сезона виновный приносил охотнику, границы угодья которого он нарушил, «парту» водки, после чего следовало примирение [19, с.171].

По данным Н.Д. Конакова, «на Вычегде и Печоре существовала такая мера наказания, как распятие виновника: ему привязывали руки к концам палки, пропущенной через рукава сукмана, и в таком виде отпускали домой. Добраться до жилья с распостёртыми в стороны руками, с большим трудом пробираясь между деревьями, было сложной задачей, особенно зимой [14, с.173]. Над злостными похитителями чужой добычи устраивалась расправа, называемая «саро пуктом» (воцарение). Виновников в похищении чужой добычи сжигали живьём в собственных избышках или прищемляли связанного и раздетого догола вора-охотника за волосы в расщепе стоящего дерева и так оставляли [10, с. 98].

При охоте в звероловных или рыболовных угодьях, являвшихся общественной собственностью, преимущественное право на производство охоты принадлежало артели или отдельному промысловому, которые первыми в охотничьем сезоне начали промысел в этом угодье. Если в промысловом угодье встречались две охотничьи артели, то преимущественное право оставалось за той из них, которая раньше соорудила шалаш для ночлега, или если он находился ближе к месту предстоящей охоты [26, с. 460]. Такое же право существовало у русских охотников в Сибири [16, с. 46].

Вместе с тем у каждого народа Севера и Сибири были выработаны свои права охотников на добычу. Имелся тщательно разработанный институт охотничьего права. Так, у сибирских народов от реки Оби до Охотского побережья действовал обычай, согласно которому раненый зверь доставался

тому, кто его ранил, и легко раненный – тому, кто его добивал. Этот же обычай действовал и у морских зверобоев: морж доставался тому, кто его тяжело ранил, если же он ускользал, то тому, кто его добивал, если же стреляло несколько человек, то зверь доставался тому, кто нанёс смертельный удар [1, с. 96].

Промысловому населению Якутии было известно также, какая жестокая борьба за существование происходила в природе. Отсюда правило: подранил животное – должен добить, ибо оно идёт на верную гибель, пропадёт без пользы и для людей, и для природы. К тому же, если это животное хищник, то это опасно и для людей. Поэтому одним из фауносберегающих обычаев охотников Якутии являлось стремление промыслять «без брака», применять оружие только в случаях верной добычи. В переводе на язык современной экологии это было своеобразным стремлением к безотходному и малоотходному производству. Так, у аборигенных народов Сибири на десять выстрелов из винтовки допускался один промах. По словам очевидцев, тунгусы из винтовок стреляют «неимоверно метко: пуля ... никогда не пропадет даром» [12, с. 174-175].

Известны слова К. Маркса о том, что всякая экономия сводится в конечном итоге к экономии времени. Однако в случае с подраненным животным усилия охотников не сводились ни к экономии средств, ни к экономии времени. И средства, и время могли расходоваться до тех пор, пока охотник не добивал животное, даже если требовались многодневные усилия, десятки выстрелов [12, с.174-175].

Малоотходное и безотходное производство – это неперенное требование народной экологии. Вырубит якут-крестьянин дерево – использует всё: кору аккуратно сдерёт - она пригодится в качестве покрытия чего-либо, аккуратно сложит сучья, ветви – они пойдут на топливо. Забьёт скот - ничего не выбросит: ни крови, ни потрохов, даже рога, копыта и хвост находили применение.

Отсюда и стремление к усовершенствованию самоловных орудий промысла – к повышению «их уловистости». В частности, применение так называемого хандаа – коромысла, которое поднимало попавшего в петлю зайца вверх, в воздух – объяснялось не только предохранением добычи от хищных зверей и птиц, но и тем, что в этом случае зверь, потеряв опору, не мог уйти из западни.

Число самоловных орудий у народов Якутии достигало многих сотен тысяч. Так, по сведениям начала 1820-х гг. у русских жителей низовьев Колымы было более 7 500 песцовых пастей. По данным середины XIX в., жители Жиганского улуса имели 9 520 пастей. Переписью 1917 г. у охотников

трех южных округов Якутской области было зарегистрировано 184 956 ловушек. В северных округах Якутии по переписи 1926 г. было 235 130 ловушек, из которых 212 942 принадлежали якутам [24, с. 22].

Устройство пастей (песцовых), которыми пользовались охотники Колымы, приводило в восторг Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина. Последний, отметив «глубокомысленность» изобретений, пришел к выводу, что «...те, которые думают, что народы-звероловы принадлежат к самому необразованному классу людей, кажется мне, очень ошибаются...» [5, с.393]. Следует, однако, отметить, что при той организации промысла, которая существовала в дореволюционной Якутии, во время промысла пропадало огромное количество мехов по причине потравы попавших в ловушки зверей другими зверями. Особенно на севере, в песцовых местах, где частые эпизоотии, другие стихийные бедствия лишали охотничье население транспорта (оленьего и собачьего). Тем самым охотники часто лишались возможности регулярно осматривать ловушки [18, с. 86].

По сведениям М. Константинова известно, что когда из 70 попавших в пасти песцов нередко вынималось только 11 целых. Он же приводил сообщения, согласно которым в 1915 г. было уничтожено около 75% попавших в пасти песцов. Конечно, это – крайние случаи. По более выверенным сведениям переписи 1926 года, гибель от потравы достигала 20 - 30% [11, с. 19].

«Ввиду таких огромных и наблюдавшихся не только в Якутии потерь при охоте самоловными орудиями охотоведы России конца XIX – начала XX вв. относили «разного рода автоматические приборы для ловли зверей и птиц, каковы: силки, петли, пасти, слопцы, капканы, черканы, ямы...» к губительным приёмам охоты» [6, с. 115]. При этом одним из основных путей сокращения этих потерь считали усовершенствование охотничьих ружей: «Когда в руках у населения будет хорошее, вполне отвечающее своему назначению оружие, тогда возможно будет строго следить, чтобы не употреблялись всякие капканы, петли, силки и т.п. орудия истребления дичи» [13, с. 777].

Охотничье огнестрельное оружие, как более совершенное и более производительное, в руках сознательного охотника действительно становилось орудием бережного отношения к животным, о чём выше мы говорили на примере стремления охотников Якутии применять оружие только в случаях верной добычи. Кроме того, охотник с ружьём мог выбирать добычу, не трогая самку, молодняка, зверя с детёнышем и т.д.

У многих народов Севера прослеживался обычай, обязывавший охотника делиться первой добычей с другими; нарушение его влекло за собой утрату охотничьего счастья (везения, удачи) и осуждалось общественным мнением.

По мнению учёных, «ещё недавно существовал обычай наделения частью добычи при возвращении с охоты и рыбного лова престарелых соседей, а также каждого, кто оказывал хоть какую-то помощь промысловику, встретив его при выходе на берег: помог при выгрузке лодки или донёс до дому часть добычи, снасть или другую вещь»[22]. При коллективной охоте на медведя право на долю в добыче имел каждый, случайно оказавшийся на месте охоты до того момента, как с медведя не была полностью снята шкура, хотя он и не принимал участия в убийстве зверя [21, с. 348]. Такие обычаи характерны и для народов Сибири. Так, по эвенкийскому обычаю убитый охотником зверь вместе со шкурой передавался в распоряжение жителей стойбища [7, с. 20].

Аналогичный обычай существовал у тувинцев, тофаларов и других тюркоязычных народов, согласно которому любой встречный мог крикнуть охотнику на промысле или по пути домой «Ужа!» и получить часть добычи. Право на мясо, жир и шкуру кита имело не только всё население посёлка, но и жители других мест, если они оказывались поблизости. В дележе мяса и жира белого медведя, тюленя принимали участие все, кто хотел. Охотничья добыча делилась между всеми при голоде или недостатке продовольствия [1, с. 96].

Сказанное дает основания полагать, что изучение народных обычаев северных народов имеет как практический, научный, так и историко-правовой интерес, что объясняется двойственностью содержания норм обычного права. С одной стороны, эти нормы отражают в себе совокупность представлений о правде, с другой – они бережно, как в некоей заповедной кладовой, хранят в себе следы стародавних отношений и взглядов, живущих в народных массах как воспоминание о чём-то уже утраченном, но, тем не менее, народу дорогим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельские губернские ведомости. 1849. N 13.
2. Багдарын Оюлбэ (Иванов М.С.) Мэнэ ааттар (Вечные названия). Якутск. 1979.
3. Бикбулатов Н.В. Минорат: Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов //Этнография Башкирии. Уфа. 1976.
4. Восточное обозрение. 1883. 28 апреля (17).
5. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М. 1948.
6. Гартфельд А.А., Молчанов Б.А. Ответственность за незаконную охоту В истории России досоветского периода. Монография. М. Science. 2016. 191 с.
7. Гапанович И.И. Камчатка: население, хозяйство. Владивосток. 1926.
8. Жеребцов Л.Н., Лащук Л.П. Этнографический уклад населения

Верхней Вычегды. ИФС.1960, вып. 5.

9. Захаренко Н. Пушное хозяйство Якутии. Якутск. 1922.

10. Иванова Ж.Б. Религиозные и обычно-правовые воззрения на охрану природы Северной России. Монография. 14.8 п.л. Сыктывкар. 2013.

11. Керцелли С. О типе ружья или более пригодного для северного промышленника //Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск. 1911. № 11.

12. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX-начале XX века. М. 1983.

13. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX-начале XX века. Томск. 1977.

14. Налимов В.П. К этнологии коми. КМ. 1924. № 3.

15. Молчанов Б.А. Законодательство об охране природы Европейского Севера России XVIII-начала XX вв. Дис. докт. юрид. наук. Саратов. 2002. 301 с.

16. Молчанов Б.А. Закон и обычай в охране природы Северной России. Архангельск. 2001.

17. Молчанов Б.А., Савин А.А. Законодательство об охране водных живых ресурсов Северной России. Ковров. Монография. 11.39 п.л.

18. Молчанов Б.А. Человек и природа в традиционном правосознании народов Северной России. Монография. 12.55 п.л. Архангельск. 1998.

19. Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. М.:Л., 1945.

20. Сидоров А.С. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. НКФАН, ф.1, оп.13, д.14, л.5.

21. Смирнов И.Н. Пермь: Историко-этнографический очерк //ИОАЭИ. 1891. Т. 9. Вып. 2.

22. Терлецкий П.Е. Пушной и охотничий промысел //Советский Север. 1931. № 7-8.

23. Тобольские губернские ведомости. 1860. № 10.

24. Черкасов А.А. Записки охотника-натуралиста. М. 1962.

A. A. Hartfield

Russian University of friendship of peoples, Moscow, Russia

THE USUAL LEGAL RULES ON THE PROTECTION OF WILDLIFE AND COMBAT POACHING IN THE EUROPEAN NORTH AND SIBERIA PRE-SOVIET RUSSIA

In this paper we analyze rules of customary law on the preservation of wildlife and combat poaching in the Arctic region in pre-Soviet Russia. The ways of prevention of death of animals and aquatic biological resources. Generalized scientific and practical experience in the field of human activities for use in modern conditions.

Key words: customary (local) law, illegal hunting, poaching, penalties for illegal hunting, waste technologies, the preservation of fauna and water biological resources.

Поступила в редакцию 25 января 2018

Учет и мониторинг охотничьих животных

УДК 639.1

*В.С. Камбалин¹, Г.В. Пономарев²**Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского,
Иркутск, Россия¹**Институт географии имени В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия²***ТЕНДЕНЦИИ В ОЦЕНКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОСНОВНЫХ ВИДОВ
ОХОТНИЧЬИХ ЗВЕРЕЙ СИБИРИ**

Представлен анализ трендов в движении численности наиболее важных объектов охотничьего пользования сибирских регионов. Выявлены особенности в официальных отчетах результатов учетных работ. Предлагаются коррективы данных для получения более точных размеров потенциала охотничьих ресурсов и его освоения.

Ключевые слова: численность сибирского соболя, достоверность учетных работ, рост поголовья кабарги, использование потенциала зверей.

Введение. В статье изложены особенности оценки и эксплуатации ресурсов по самым значимым и востребованным для экономики современного охотничьего пользования видам: благородный олень, кабан, кабарга, косуля, лось, белка, волк, лисица, собо́ль, медведь. Естественно, все остальные виды охотничьих животных и сегодня представляют большое значение для отрасли. В то же время выбор указанных десяти видов обусловлен ещё и таким важным организационным фактором, как наличие по ним достаточно адекватной системы учетов и отчетности.

Методические особенности исследования. В процессе работы изучались официальные статистические материалы за 2008-2016 годы, опубликованные в государственных докладах Министерства Природных ресурсов РФ и региональных правительственных органов по двум тематическим направлениям: «Состояние и охрана окружающей среды», «Состояние и охрана животного мира» [1, 2.] В процессе сбора информации изучались научные публикации по теме исследования [4, 5].

В работе представлены материалы по всему Сибирскому федеральному округу (СФО). В основе статистического материала лежат официальные данные ежегодных зимних маршрутных учетов (ЗМУ) и специальных учетных работ по виду, не входящему в систему ЗМУ (медведь).

В целях повышения точности анализа применялись среднегодовые за три года показатели численности и размеров освоения ресурсов.

Необходимо пояснить некоторые важные особенности анализа официальных материалов. Исследование в форме анонимного опроса специалистов

передовых предприятий Иркутской области показало, что в закрепленных охотничьих угодьях предприятий-охотпользователей уровень достоверности ЗМУ не превышает 75 %, а в общедоступных охотничьих угодьях (подконтрольных районной госохотслужбе) уровень достоверности ЗМУ ниже. На основании такого вывода и с целью получения более точных сведений о численности зверей официальные отчетные величины численности животных необходимо корректировать в сторону понижения не менее чем на 25 %. Такая необходимость применения поправочных коэффициентов к показателям численности охотничьих ресурсов вызвана шестью основными причинами:

1. Ежегодно действует фактор масштабных лесных пожаров, которые уничтожают объекты животного мира, их среду обитания, а также заставляют мигрировать крупных хищников (медведь и волк) на другие территории.

2. Не снижаются объемы незаконного изъятия объектов животного мира в связи с ростом безработицы и падением реальных доходов населения в сельской местности.

3. Регуляционная работа охотпользователей и госохотслужб по оптимизации излишнего поголовья волка проводится недостаточно. В течение последнего десятилетия поголовье волка в половине регионов СФО неуклонно возрастает (республика Тыва, республика Алтай, республика Бурятия, Красноярский край, Забайкальский край, Иркутская область), что приводит к увеличению размеров гибели копытных зверей от волков.

4. Излишняя регламентация и непомерно высокая стоимость учетных работ при постоянном дефиците средств на эти мероприятия как со стороны охотпользователей, так и госохотслужбы заставляет большую часть исполнителей ЗМУ показывать в отчетах заранее спланированные показатели.

5. Застарелые проблемы системы охраны охотничьих ресурсов при недостатке финансирования этой системы не позволяют надежно защитить животный мир от браконьерства.

6. Отсутствует независимая проверка качества учетных работ, что создаёт фундамент для манипулирования показателями численности.

Антропогенные факторы воздействия на потенциал охотничьих ресурсов. Хозяйственное освоение охотничьих ресурсов со времён создания Московского общества охоты (1859-1862 гг.) развивается в двух организационных формах – зверопромысловая охота и любительская охота. По мере вовлечения природных ресурсов сибирских регионов в народное хозяйство социально-экономическое значение охотничьего хозяйства изменялось, полагаем, что в сторону роста. Исследования 2009-2011 годов позволили оценить среднегодовое общественное значение охотничьего природопользования (ОЗО) для всех регионов Сибирского федерального округа в 7,6 млрд. рублей

[6]. Ежегодно этот показатель возрастает в среднем на 2 %, поэтому можно оценивать величину ОЗО за 2016 год на уровне 8,4 млрд. руб.

Потенциал охотничьих ресурсов постоянно испытывает антропогенное воздействие многих факторов, которые в большей или меньшей степени действуют в каждом регионе. Исследования показывают, что в общем по Сибири за последние пять лет естественные кормовые и защитные условия для большинства видов животного мира оцениваются на «хорошо». В то же время антропогенные воздействия на потенциал охотничьих ресурсов неуклонно возрастал на всех территориях, прилегающих к крупным городским и поселковым агломерациям в радиусе 100-200 км.

Выделим важнейшие факторы воздействия на потенциал охотничьих ресурсов. Среди отрицательных необходимо указать следующие: масштабные лесозаготовки как легального, так и нелегального характера (Красноярский край, Иркутская область, республика Бурятия, Забайкальский край); лесные пожары (регионы Восточной Сибири); незаконная охота; нарастание доли общедоступных охотничьих угодий; сверхнормативная численность волка (республика Тыва, республика Бурятия, Красноярский край, Забайкальский край, Иркутская область), ущербное воздействие нефтегазопромысловых предприятий (регионы УФО, Томская область, Иркутская область).

Среди положительных факторов наиболее значимые: низкая рентабельность охотничьего хозяйства, которая препятствует инвестированию в развитие отрасли; сокращение сельского населения; снижение числа профессиональных охотников; рост затрат на транспортные услуги; удаление лесосырьевых баз для промышленных рубок от населенных пунктов; увеличение лесопокрытых площадей; зарастание гарей и вырубков; миграция сельского населения в крупные поселения и города. Состояние численности основных видов животного мира и их использование для целей охоты представлено в таблицах 1, 2.

Анализ данных табл. 1 позволяет сказать о заметном проявлении понижающих тенденций в численности большинства видов. Особое беспокойство вызывают такие тренды по косуле, дикому северному оленю, соболу, белке, лисице. В таблице показаны тенденции роста в численности нескольких видов копытных зверей (благородный олень, лось, кабарга), а также незначительное понижение численности волка. Относительно указанных трендов необходимо внести важные коррективы. Во-первых, отсутствие контрольных учетных работ позволяет большинству учетчиков манипулировать данными ЗМУ и приближать полученные в процессе учетных работ величины к заранее установленным. Подобные действия продиктованы следующи-

ми желаями учетчиков: показать завышенные величины численности соболя и копытных зверей, в особой степени по кабарге [3] и заниженные величины по волку.

Далее приводятся официальные сводки о динамике численности наиболее значимых видов по регионам СФО за 2003-2016 гг.. С учетом недостаточной достоверности официальных отчетов ЗМУ в официальную статистику численности были внесены соответствующие коррективы (табл. 1).

Благородный олень. Численность вида на территории СФО в 2003-2011 гг. колебалась в пределах 97 – 108 тыс. особей. В 2016 году численность благородного оленя увеличилась по сравнению с 2015 годом на 11473 особи. Прирост составил 8,5%.

Таблица 1 - Потенциал основных видов охотничьих ресурсов СФО в среднем за 2008-2016 гг., тысяч особей

Виды	Официальные данные о весенней численности по отчетам ЗМУ		Характер тренда потенциала численности вида с учетом внесенных корректив
	В среднем за 2008-2010 гг.	В среднем за 2014-2016 гг.	
Благородный олень	102,1	139,6	Стабильный
Косуля	300,9	375,2	Стабильный
Кабан	48,5	60,5	Стабильный
Лось	166,6	220,0	Стабильный
Кабарга	80,25	170,52	Недостоверный
Дикий сев.олень	587,94	573,65	Снижение
Соболь	700,0	625,0	Снижение
Белка	4806,6	1304,47	Снижение
Лисица	111,6	93,52	Снижение
Волк	19,78	18,92	Стабильный
Медведь	48,16	66,73	Растущий

Косуля. Официальные показатели численности показывают противоречивое положение. С 2005 года по 2014 года на территории СФО наблюдалось увеличение численности косули сибирской. Несмотря на рост численности косули в республиках Алтай, Тыва, Хакасия и Алтайском крае, в 2015 году произошло снижение численности косули в целом по федеральному округу до уровня 2012 года. В Красноярском и Забайкальском краях, Новосибирской, Омской и Томской областях численность косули снизилась ниже уровня 2013 года. В 2016 году произошло повышение численности косули по от-

ношению к 2015 году на 15,1% по всем субъектам, за исключением Кемеровской области.

Кабан. С 2004 года численность кабана в общем имеет положительную динамику. Пик численности кабана пришелся на 2014 год. Отмечен незначительный рост численности кабана в республике Бурятия, Забайкальском крае, Красноярском крае, Иркутской, Кемеровской и Новосибирской областях, что привело в 2016 году к приросту поголовья кабана на 197 особей (0,3 %) по сравнению с численностью 2015 года.

Лось. С 2005 года по 2014 года наблюдалось увеличение численности лося. В 2015 году произошло снижение численности вида относительно уровня 2013 года. На территории Республики Тыва, Красноярского и Забайкальского краев, а также в Иркутской, Новосибирской областях численность лося снизилась ниже уровня 2013 года. В 2016 году произошло повышение численности лося на территории СФО относительно 2015 года на 20,2% по всем субъектам за исключением Кемеровской области.

Соболь. Рост численности соболя на территории СФО отмечался в период с 2005 г. по 2009 г. С 2010 г. по 2012 г. наблюдалось снижение численности соболя. В период с 2012 г. по 2014 г. численность соболя увеличилась с 545,3 тыс. до 674,4 тыс. особей. В 2015 году произошло снижение поголовья вида до 608 тыс. особей. В 2016 году произошло увеличение численности соболя на 26767 особей. Прирост составил 4,4 %.

Следует особо подчеркнуть важную особенность в отношении данного вида: официальные данные численности в значительной степени противоречат объемам годового оборота соболиных шкурок на Санкт-Петербургском пушном аукционе. Так, в среднем за 2012-2013 гг. на торги выставлялось 650 тыс. шкурок, не считая внутрирегионального потребления сырья в размере 5-10 % от аукционного, т.е. годовой размер изъятия соболя из потенциала составил не менее 700 тыс. особей. Исходя из таких допусков и при условии безущербного изъятия ресурса на уровне 25 % от весенней численности расчетное поголовье вида в 2012-2013 годах оценивается более чем в два миллиона особей. Как видно из расчетов, официальная статистика поголовья соболя (самого важного ресурса для экономики охотничьего хозяйства Сибири) в три раза ниже расчетной величины поголовья зверя [1, 2, 5].

Белка. Численность вида показывает тенденцию неуклонного снижения практически по всем регионам Сибири. В частности, в СФО после «пика» численности в 2008-2010 гг. (4,8 млн. особей) наблюдается устойчивый тренд на понижение: в 2010 г. – 1,7 млн. особей, в среднем за 2014-2016 гг. – 1,3 млн. особей.

Лисица – тенденции в динамике численности таковы, как и по белке, понижительные. Научных объяснений подобного уменьшения численности до сих пор не представлено.

В процессе корректировки официальной базы данных было выявлено четыре типа разнонаправленных тенденций в движении численности основных видов охотничьих зверей и птиц Сибири за 2008-2016 годы:

1. Позитивные тенденции - стабильная (неизменная) численность благородного оленя, косули, кабана, лося.

2. Негативные тенденции - резкое снижение численности соболя и белки по всем регионам Сибири. При этом следует подчеркнуть заниженное поголовье вида в официальной статистике.

3. Противоречивые тенденции, которые не укладываются в логику биологии и организации использования ресурса: резкое увеличение поголовья кабарги - в 2,1 раза. Такая величина прироста не может быть признана достоверной на фоне растущей контрабанды кабарговой струи и низкой эффективности работы государственных и ведомственных охранных служб регионов [3]. В особой степени такая тенденция наблюдается в регионах, в которых ещё остался данный ресурс - республика Тыва, республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край.

4. Несущественные тенденции (в пределах допустимой статистической ошибки) – незначительное снижение численности по пяти видам: дикий северный олень и лисица.

Использование потенциала ресурсов охотничьих животных. Осуществляется в соответствии с действующим законодательством. К сожалению, действующая система отчетности позволяет провести ограниченный анализ размеров изъятия (табл. 2) и выявить приблизительные тренды в пользовании ресурсами лимитированных видов.

Таблица 2 – Размеры добывания основных видов охотничьих ресурсов Сибири за 2008-2016 гг., особей (официальные отчетные данные)

Виды животных	В среднем за 2008-2010 гг.	В среднем за 2014-2016 гг.	Тенденции изменения размеров добывания
Благородный олень	2020	3254	Рост
Косуля	9030	14527	Рост
Кабан	2500	6848	Рост
Лось	2220	4354	Рост
Кабарга	1549	6087	Рост
Дикий сев.олень	21635	30622	Рост
Соболь	131194	133543	Рост
Волк	1550	2135	Рост
Медведь	708	2034	Рост

Основные выводы из таблицы можно свести к следующему положению: точность отчетов по использованию ресурса соболя не превышает 50 %. Примерно такой же уровень достоверности отчетов по использованию ресурсов необходимо применять в дальнейших расчетах по другим лимитированным видам.

Резюме. Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Повсеместно происходит усиление антропогенного пресса на потенциал охотничьих ресурсов. Анализ базы данных о изменении потенциала, проведенный после корректировки официальной статистики показателей численности, приводит к выводу о проявлении заметного тренда на устойчивое снижение поголовья семи представителей животного мира. Особую тревогу вызывают три тенденции: резкое снижение численности соболя и белки; заметное нарастание поголовья медведя; безосновательное представление о растущей численности кабарги в СФО. Кроме того, проявляется незначительное снижение численности дикого северного оленя, и лисицы. Поголовье остальных шести видов охотничьих ресурсов (благородный олень, косуля, кабан, лось, волк) за период анализа не уменьшилось.

2. Тенденции сокращения потенциала охотничьих ресурсов развиваются в неблагоприятных социальных и организационных условиях охотничьего природопользования, среди которых самыми важными признаются два:

- отсутствие эффективной регуляционной работы относительно поголовья волка;

- низкая эффективность работы государственных и ведомственных охранных служб.

3. Фундаментальная причина всех указанных выше негативных изменений в величине потенциала охотничьих ресурсов вызвана отсутствием в системе управления потенциалом охотничьих ресурсов специального уполномоченного федерального органа в статусе государственного комитета по делам охотничьего хозяйства РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году. / Версия 20.07.2015 – М.: Минприроды России. – 2015. – 467 с. / Интернет-ресурс.

2. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году. – М.: Минприроды России; НИИ-Природа. – 2017. – 760 с.

3. Бороденко В.П. Оценка состояния и использования ресурса кабарги в Иркутской области. // Мат-лы VI междунар. конф. «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии». Секция Охрана и рациональное исполь-

зование животных и растительных ресурсов. - Иркутск: Издание ИрГСХА, 2017. – С. 13-19.

4. Зайцев В. А. Кабарга: экология, динамика численности, перспективы сохранения. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2006. – 120 с.

5. Лужбин Е.Л. Пушнина и рынок // Мат-лы конф.: Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов. Иркутск: Издание ИрГСХА, 2007. – С. 57-79.

6. Пономарёв Г.В., Камбалин В.С. Экономико-географические аспекты охотничьего природопользования Сибири // География и природные ресурсы. – 2016. – № 1. –С. 23-28.

V.S. Kambalin¹, G.V. Ponomarev²

A. A. Ezhevsky Irkutsk State Agricultural University, Irkutsk, Russia¹

Institut geografii SO RAN, Irkutsk, Russia²

DYNAMICS OF NUMBER OF THE MAIN ANIMALS OF SIBERIA

The analysis of driving of number of important subjects to hunting is made. Features of official reports on registration works are shown. Amendments for assessment of more precise potential of animals are offered.

Key words: number of the Siberian sable, accuracy of accounting of animals, body height of a livestock of a musk deer, use of potential of animals.

Поступила в редакцию 25 января 2018

Охота и антиохотничьи тенденции в современном обществе

УДК 639.1: 502.34

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия***ОХОТА, ОХОТНИКИ И ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ЗООЗАЩИТНИКИ»**

Рассмотрены некоторые аспекты феномена охоты. Автор отмечает, что в последние годы (и особенно – в последние месяцы) тема антиохотничьих тенденций в российском обществе явно потеснила многолетнюю тему кризиса в охотничьем хозяйстве. Во второй части статьи представлена экспериментально-прикладная систематика так называемых «зоозащитников» (ТНЗЗ), которая учитывает в первую очередь социально-психологические детерминанты участия и поведения: ценности, убеждения, потребности, мотивы и интересы и т.п. Автор выделяет 4 типа ТНЗЗ: идеологи, провокаторы, зоолюбленные, жалостливые.

Ключевые слова: охота, охотник, феномен охоты, антиохотники, антиохотничье движение, зоорадикалы, зоозащитники, классификация, социальная группа.

В конце 60-х или в начале 70-х годов прошлого столетия в Советском Союзе с большим успехом в кинопрокате пользовалась американская кинокомедия «Этот безумный, безумный мир». Такой динамичный веселый триллер о власти денег в капиталистическом мире, о погоне за чужим наследством и безумном обществе потребления. Думаю, если посмотреть этот фильм в наше время - он будет также актуален, и вызовет обратно сильные эмоции. Мир не меняется, но только усугубляется. Этот мир стал еще более безумным – если зреть в корень и философски оценивать научно-технический и социальный прогресс. Поэтому так важно помнить о своих истоках и традициях, на которых держится древняя охотничья культура. О том, что происходит с охотой, охотничьей культурой, с охотничьим хозяйством - существует немало публикаций, мнений и суждений. Приведем одно из них, которое нам видится серьезным и ответственным, и на первый взгляд, несколько пессимистичным: *«Роль охоты в обществе неуклонно снижается и, вероятно, тенденция к снижению продолжится по мере роста населения Земли и всё большей антропогенизации биосферы. Имидж охотника, уже заметно потускневший, с ростом природоохранных настроений в обществе будет, вероятно, регрессировать и далее».* [11]

«В Российской Федерации охота имеет глубокие исторические корни, является традиционным видом природопользования, является элементом

культуры и жизнеобеспечения многих народов, проживающих на её территории». [7]

Иркутский охотовед В.Н.Степаненко считает, например, что *«Сибирь стала частью России благодаря охоте. Русские люди пришли сюда в первую очередь за дикой пушниной, которая добывалась охотой. Создав адаптированную к местным условиям культуру природопользования, русские в Сибири остались русскими, что стало предпосылкой создания самой большой в мире страны. Охота, в первую очередь промысловая, стала естественной частью культуры сибирской деревни»*. [17]

Существуют десятки, если не сотни определений, что такое охота. Это может быть труд, профессия, призвание. Есть и такие, что позиционируют охоту как забаву, игру, спорт... Вопрос совсем не праздный – что есть охота в нашем безумном мире – эта последняя метафора касается сущности нашего мира, который сидит на ядерной пороховой бочке, «денно и ночью» превращает живую природу в ресурсы и товары потребления и создает земное царство глобальной урбанизации.

Что есть охота в нашем мире в начале XXI века?

Дальневосточный охотовед, географ и философ В.Н. Бочарников утверждает, что *«ОХОТА – это часть нашего бытия. Она живет не только в действиях, она живет в мыслях, думах, мечтах, бессонных ночах и переживаниях. Страстный охотник не будет спать неделями, переживая досадный свой промах или, напротив, в ожидании встречи со своей мечтой – поохотиться на экзотического зверя. И если только у нас есть опыт осознания собственных реальностей, мы становимся способны признавать реалистичность в других людях»*. [3]

Для полноты картины определения охоты, приведем рабочее определение, кто же такие охотники. *«Охотники - это не просто люди, занимающиеся охотой, а отдельная социальная группа, основу которой составляет охота, как особый вид деятельности человека. Охота как род занятий (основной или дополнительный) позволяет рассматривать охотников именно как самостоятельную социальную группу... Охотничья деятельность регламентируется специальными правовыми актами, а само охотничье сообщество характеризуется наличием ряда особых признаков, присущих именно охотникам (специальный язык, специальные знания и умения, особенности жизненного уклада и прочее). Охотникам свойственен целый ряд характерных особенностей, которые не свойственны (тем более в комплексе) для других категорий граждан (неохотников)»*. [16]

Так постепенно и незаметно мы подоברались к третьему действующему лицу нашего очерка: кто же такие «так называемые зоозащитники»?

«Так называемых «зоозащитников» (ТНЗЗ) «волнуют судьбы» прежде всего отдельных особей и за то, что вы забили кролика и съели его, они (если увидят всю «процедуру» от и до), похоже, будут готовы чуть ли не забить вас (а может и без «чуть ли»), а вот более серьёзные и сложные влияющие на состояние целых популяций факторы их волнуют мало. То есть, говорить о том, что они приносят какую-либо пользу животному миру, на мой взгляд, явно не приходится.

Их воздействие направлено не на популяции животных, а на социум, на трансформацию общественного сознания, на подмену антропоцентризма, при котором «человек МЕРА всех вещей» зооцентризмом, при котором что человек, что собака, что улитка – все равны, у всех равные права, а у человека (как у «сверхищника») они должны быть ещё и дополнительно ограничены!» [15]

Меня всегда удивляла тема, когда праздный обыватель, как правило из столичных и других крупных урбанополисов, диктует через различные СМИ свое мнение и свою волю: «как жить» таежному аборигену в его таежных условиях: при морозе -50°C , в окружении стай волков и медведей-шатунов: ни в коем случае не стрелять! Есть морковку, и приносить себя в жертву хищникам, морозу и возвышенно ценностным представлениям комнатных натурофилов из далеких цивилизованных метрополий. [5]

Люди, лучше знающие и любящие реальную природу и много делающие для её сохранения (она для них по-прежнему реальная среда обитания) оказываются под тотальной критикой «комнатных природолюбов», которые в большинстве случаев не знают глубинных взаимосвязей в природе, видят её, в основном, по телевизору и посредством компьютера, но категорически навязывают (в весьма агрессивной форме) свои взгляды и ценности по отношению к природе тем, кто в ней реально живет.

В последние годы (и особенно – в последние месяцы) тема антиохотничьих тенденций в российском обществе явно потеснила многолетнюю тему кризиса в охотничьем хозяйстве. В первую очередь, по динамике роста научных публикаций, активности в интернет и усилению общественного резонанса в среде охотников и охотоведов - ответной реакции по постоянные провокации зоорадикалов, чаще всего невидимых и недоступных, проявляющих свою экспансию в виртуальном мире, и провоцирующих вполне реальные негативные последствия для охотничьего сообщества и охотничьего хозяйства России. Анализу и прогнозу развития антиохотничьего движения уделили внимание уже многие авторы [4, 6, 12, 13, 18 и др.], и в целом – отражаемая картина соответствует тому, что происходит в действительности.

Самый большой в мире ареал самобытной российской охотничьей культуры, глобализаторы и сопутствующие им, мечтают лишить будущего и деклассировать эту культуру через своих, «якобы зеленых», праведников-антиохотников.

«Многообразие антиохотничьих детерминант можно рассматривать с разных ракурсов и придавать им разное значение. ... Попытки дискредитации охоты, широкомасштабность, системность, настойчивость и ясно выраженное идейное сопровождение которых не оставляют сомнений в их глубокой теоретической проработке, следует рассматривать в аспекте принадлежности к категориям более высокого порядка, концепция которых заключается в изменении общественного отношения к культурно-историческим формам бытия». [7]

«Экспансия «зелёных» антиохотников чрезвычайно агрессивна также как акции иных религиозных фундаменталистов или националистов всех мастей. Она также отвратительно пропагандистски нечистоплотна». [1]

В качестве примера – акция зоорадикалов. *«В России Фронт освобождения животных состоит из автономных групп – ячеек. Их размер варьируется от одного человека до многих людей, работающих вместе. Каждая из этих групп обычно неизвестна не только общественности, но и другим группам.*

Из племсовхоза «Пушкинский» выкрадено 205 хорьков и выпущено на свободу. Из питомника лабораторных животных в деревне Сидориха Московской области было выпущено более 20 000 крыс, хомяков и мышей, на звероферме в Ленинградской области – 32 000 норок». [8]

«Зоорадикализм – это проблема далеко не чисто охотничья. Это ПРОБЛЕМА ОБЩАЯ, проблема современного общества, затрагивающая охотников, ветеринаров, рыбаков, животноводов, звероводов и прочих. Восприятие их псевдоценностей молодежью, приводит к тому, что люди перестают понимать, как устроена природа, какие в реальности в ней происходят процессы». [15]

Подводя краткий итог вышеобозначенным антиохотничьим тенденциям и акциям так называемых «зоозащитников» и зоорадикалов, хочется привести еще одну очень верную идею, высказанную И.А.Гребневым: *«Противодействие радикальным антиохотничьим тенденциям обуславливает необходимость теоретического обоснования охоты в современных исторических реалиях и выработки понятийного аппарата, необходимого для осуществления успешного противодействия таким деструкциям». [7]*

Думаю, что не «открою Америки», выражая своё субъективное мнение по поводу зоорадикализма, но, возможно, это мнение кому-то покажется по-

лезным в поиске истины и выработки конструктивной программы для охотоведения и охотничьего хозяйства по отношению к так называемым «зоозащитникам» (ТНЗЗ) – термин этот автор позаимствовал у кировского охотоведа А.В. Пушкина [15], так как этот термин, на мой взгляд, весьма адекватно отражает сущность антиохотничьей аудитории и её устремления. Для подавляющей части ТНЗЗ жизненное кредо: «Казаться, а не быть». То есть, все действия и акции направлены на то, чтобы создать у себя самих образ благородных защитников животного мира и всей природы, образ своеобразных «Робин Гудов», спасающих диких животных от «кровожадных охотников». При том, что большинство из ТНЗЗ обладают самыми примитивными (а часто – просто извращенными) знаниями о самих диких животных, об охоте и охотниках.

А.В. Пушкин в одной из своих публикаций приводит подробную систематику ТНЗЗ (антиохотников) [14, 15]. В нашем очерке мы используем упрощенную систематику ТНЗЗ, которая легко применима на практике и позволяет быстро диагностировать ТНЗЗ, и в соответствии с этим – формировать ответную конструктивную реакцию. Наша экспериментально-прикладная систематика ТНЗЗ учитывает в первую очередь социально-психологические детерминанты участия и поведения: ценности, убеждения, потребности, мотивы и интересы и т.п. В соответствии с вышеназванными детерминантами, точнее их концептуально-различной комбинацией, мы выделяем 4 типа ТНЗЗ: «идеологи», «провокаторы», «зоовлюбленные», «жалостливые».

1 тип - «Идеологи».

Это основная сила, провоцирующая и управляющая антиохотничьим движением. Их немного. Точнее – единицы, но занимаются они своим делом всю сознательную жизнь, делают это талантливо и профессионально. Как правило, зоорадикализм у них сочетается с преследованием определенных (практически неафишируемых) политических и психологических целей (национализм, русофобия, преодоление фрустрации и др.). Собственно, зоорадикализм для них не самоцель, а средство и метод достижения невидимых скрытых политических и психологических целей (опережая события: «зоовлюбленные» верят им и думают, что они такие же «зоовлюбленные», но на самом деле – им плевать на всех этих зверушек – цель и смысл их деятельности в иной сфере). В настоящее время этот тип существенно пополняется ранее практически неизвестной публикой – «нетократами». «Идеологи-нетократы» – это на порядок более опасная публика, потому что эти деятели, как правило, действуют инкогнито, стараясь не оставлять следов своего участия и присутствия. Бывают исключения – они тоже публикуются и занима-

ются саморекламой, но это более слабые деятели и, как правило, они вскоре сходят с дистанции, если не делают из зоорадикализма бизнеса. Пояснение: все «идеологи» имеют источники существования и развития зоорадикальной активности – они не альтруисты (как и большинство революционеров-организаторов) – и потому всегда ищут спонсоров и работодателей для своего «зоорадикализма». Таковыми выступают различные фонды, транснациональные корпорации, конкуренты охотников, частные доноры, а иногда и представители отдельных государственных структур, не любящих афишировать свою деятельность.

2 тип – «провокаторы».

Представителей этого типа существенно побольше, чем «идеологов», но, как правило, это люди не постоянные (они кочевники-универсалы, от одной темы к другой, от одной аудитории к третьей). Их задачи – внести сильную лепту в зарождающийся процесс выражения общественного мнения или общественной акции. Они могут даже на некоторое время вживаться в роль «зоовлюбленных» и сливаться с толпой, а иногда, и просто руководить процессом. Если это не сетевые инкогнито, то в реальной жизни они достаточно легко и достоверно диагностируются – достаточно несколько контактов – коммуникаций и сразу можно обнаружить их «зоорадикальное безразличие». Для них важен процесс, важна «буча», «замутить» и в удобный момент плавно ускользнуть в новую тему.

3 тип – «зоовлюбленные».

Не рекомендую путать их зоофилами – это совсем другая категория. Может, корректней их называть «зооцентристами». Но зооцентризм – это более абстрактное определение, которое требует напрягать воображение и строить схемы-модели взаимоотношений (кто там центрист, кто – периферист и т.д.)

«Зоовлюбленный» – это самый настоящий зоорадикал. Он испытывает психологическое чувство влюбленности к различным видам животных (в том числе волкам, медведям, шакалам, крокодилам, акулам, кобрам, удавам ...). Но это психологическое чувство чаще всего воспитанно виртуальными и бесконтактными средствами (зоопарк, телевизор, интернет, фильмы, фотографии, чтение Дж.Даррелла и Д.Адамсон...). Представления его о физиологии и этологии всевозможных многочисленных животных чаще всего неадекватны реальности (образ из мультфильма «Маугли» и др., где медведя и пантеру можно погладить по голове, или лечь на них как на диван или скакать на них верхом...). Зоорадикалы или зоовлюбленные – это самая эмоциональная, самая «ударная» сила антиохотничьего движения. Они могут выставлять пикеты на морозе -30С и ниже, они полностью сливаются с ролью

своего выдуманного «Робин Гуда», и долгое время живут под впечатлением своего «зооцентристского призвания». С ними трудно дискутировать и что-то объяснять им логически. Лучше всего на них воздействуют видеоматериалы, где их «любимые зоогерои» нападают на людей и домашний скот, снятые крупным планом или дать им возможность переночевать в джунглях одну ночь...

4 тип – «жалостливые».

Это более массовая аудитория. Они не фанаты зооцентризма. Но они очень эмпатийны и впечатлительны. Если им показать видеоролик, где ужасные охотники безжалостно убивают диких зверушек – они будут очень впечатлены, и подпишут любую петицию и воззвание в защиту представителей животного мира.

Конечно, все вышперечисленные четыре типа не могут исчерпать всего многообразия ТНЗЗ. Куда, например, отнести орнитологов, которые построили всю свою науку на добыче тушек редких, мелких и малосъедобных птичек, а потом вдруг стали «зеленеть» и просто ненавидеть охотников? [10, 11]

В полезной и весьма познавательной книге Чащухина В.А. «Человек и охотничьи животные: изменение среды обитания», есть небольшой фрагмент, где автор(разделяем с ним эту точку зрения) касается причины массового исчезновения видов животных (особенно, крупных млекопитающих) в плейстоцене. Расхожее мнение, бытующее в сознании общества массового потребления, да и во многих научных трудах – всех этих крупных животных истребили древние кровожадные охотники. *«Обвинение плейстоценовых представителей человеческого рода в уничтожении мамонтов, шерстистых носорогов, пещерных львов, гигантских оленей и прочих ископаемых представителей прошлого... Смысловое содержание картин убийства мамонтов толпой одетых в шкуры людей, легко доступно широкому кругу лиц, ничего не ведающих о природных катаклизмах плейстоценовой эпохи и не осознающих экологических закономерностей развития органического мира... Надо обладать незаурядной способностью к воображению, чтобы представить существо, выгнавшее пещерного льва из его логова и тем предрекающее его кончину как биологического вида».* [19]

Но есть еще другая, остросужетная книга «В защиту волков», которая продолжает тему охотников-истребителей на современном этапе. Автор её В.Борейко – неутомимый идеолог украинского антиохотничьего движения. Два фрагмента из этой книги. *«... Варварское истребление волков в России стало аморальной национальной традицией. Следует подчеркнуть, что в последнее время рост террора в отношении волков в России тесно связан с*

ростом шовинистических настроений, ксенофобией в отношении «инородцев». ... Думается, уже в недалеком будущем появятся суды, решающие споры между человеком и природой. Естественно, в качестве адвокатов для волков, шакалов, серых ворон и жуков-дровосеков в них будут выступать защитники дикой природы и диких животных. В таких судебных заседаниях, при определении прав человека на деревья или дичь нужно учитывать техническую вооруженность человека. Если численность и даже биомасса последнего не больше, чем жука-пилильщика, необходимо принять во внимание и тот факт, что для жука дерево – источник жизни, а для человека – материал для совершенно бесполезных вещей, вроде виселиц или супер-мебели для новых русских». [2]

Как ни печально осознавать, но все эти антиохотничьи движения и тенденции, которые изрядно могут навредить охоте и охотничьему хозяйству в Российской Федерации – есть вполне управляемый диверсионный процесс, несмотря на его внешнюю стихийность и претензии на самозародившееся и прогрессирующее общественное мнение – процесс, который является составным компонентом более масштабного процесса имя которому – глобализация. И противостоять ему будет крайне сложно, особенно, если в правительстве, включая в первую очередь главу нашего государства, не будет понимания о том, что есть подлинная охотничья культура, что есть реальное охотничье хозяйство и каков его потенциал и значение для страны. И способствовать такому понимаю можно только общими усилиями всей (как любили говорить в прошлом веке) прогрессивной охотничьей общественности и всей охотоведческой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байгозин Д. П. Рассмотрение фактов антиохотничьей пропаганды в аспекте дискриминации граждан - охотников / Д. П. Байгозин // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2016. – 3. – С. 11-13
2. Борейко В.Е. В защиту волков. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2011. 156 с.
3. Бочарников В.Н. Социальная психология, общество и охота / В.Н. Бочарников // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 1-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 4-7 апреля 2014 г.) – Иркутск: ИрГСХА, 2014. - С. 65-68
4. Бриних В.А. Этические и эколого-правовые ограничения весенней охоты / В.А. Бриних // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. – 1 (4). – С.40-45
5. Винобер А.В. Феномен охоты в современной России: опыт социального психоанализа / А.В, Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. - 2017. №2 (5). – С. 17-22

6. Винобер Е.В. Антиохотничьи тенденции: аналитический рунет-обзор / Е.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 3-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 28-31 октября 2015 г.) – Иркутск: Оттиск, 2015 – С.65-70

7. Гребнев И.А. О необходимости определения деструктивной антиохотничьей деятельности как элемента антинациональной идеологии / И.А. Гребнев // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. – 1 (4). – С. 18-22

8. Краев Н.В. Движение против охоты – угроза национальной безопасности России / Н.В. Краев, В.Н. Краева // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. – 3 (6). – С.7-45

9. Матвейчук С. П. Антиохотничья лженаука: Даурский пример / С. П. Матвейчук // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 3-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 28-31 октября 2015 г.) – Иркутск: Оттиск, 2015. – С. 52-57.

10. Матвейчук С. П. Антиохотничья лженаука: Красноярский пример / С. П. Матвейчук // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 3-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 28-31 октября 2015 г.) – Иркутск: Оттиск, 2015. – С. 58-63.

11. Пучковский С.В. Биосфера, общество, охотничья фауна перспективы коэволюции. / С.В. Пучковский // Современные проблемы природопользования, охотоведения звероводства: материалы междунар. научн. – практ. конф., посв. 85-летию ВНИИОЗ, Киров, 22-25 мая 2007 г. – Киров, 2007. - С. 357-358

12. Пушкин А.В. Усовершенствование школьного образования как один из способов борьбы с распространением в обществе антиохотничьих настроений / А.В. Пушкин // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов II международной научно-практической конференции (Иркутск, 28-31 октября – 2014 г.). – Иркутск: Оттиск, 2014. – С. 93-97

13. Пушкин А. В. К вопросу о привлечении антиохотников к правовой ответственности / А. В. Пушкин // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 4-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 28-31 октября 2016 г.). – Иркутск: Оттиск, 2016. – С. 26-30

14. Пушкин А. В. К разработке определения понятия «антиохотник» / А. В. Пушкин // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. – 1 (4). – С.23-39

15. Пушкин А.В. О некоторых прорехах в обороне охотников от зоорадикалов. URL: <https://clck.ru/CVn6o>

16. Пушкин А.В. Охотники – социальная группа / А. В. Пушкин, В. В. Грецов // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. – 3(6). - С. 165-176

17. Степаненко В.Н. Охота в культуре сибирской деревни / В.Н. Степаненко // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2016. – 3. – С.14-22

18. Суворов А.П. Охота под прицелом милосердия / А.П. Суворов // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. – 3 (6). – С.46-55

19. Чащухин В. А. Человек и охотничьи животные: изменение среды обитания. - Киров: ВНИИОЗ РАСХН. - 2010. – 141

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

HUNTING, HUNTER AND SO-CALLED «ANIMAL RIGHTS ACTIVISTS»

The article discusses some aspects of the phenomenon of hunting. The author notes that in recent years (and especially in recent months) the theme of anti-hunting tendencies in the Russian society obviously pushed the perennial topic of the crisis in hunting economy. In the second part of the paper presents experimental and applied systematics of the so-called animal rights activists, which takes into account primarily the social psychological determinants of participation and behaviour: values, beliefs, needs, motives and interests, etc. the Author distinguishes 4 types so-called animal rights activists: ideologues, provocateurs, who loves animals, compassionate.

Key words: hunting, hunter, anti-hunters, the anti-hunting movement, zoo-radicals, animal rights activists, classification, social group.

Поступила в редакцию 25 января 2018